
ДНИ И ВСТРѢЧИ.

1. Все прекрасное, чѣмъ бы оно ни было, прекрасно само по себѣ, похвала не входитъ въ него составной частью.

2. Скоро ты забудешь обо всемъ, и все, въ свою очередь, забудетъ о тебѣ.

Маркъ Аврелій.

О мнѣлыхъ спутникахъ, которые нашъ
свѣтъ

Своимъ сопутствіемъ для насъ
животворили,

Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ.

Но съ благодарностію,—были.

Жуковский.

I.

Съ каждой минутой то, что передъ нами искрилось живой и полной значенія дѣйствительностію, уходитъ въ прошлое. Но это рѣдко замѣчается, это не останавливаетъ на себѣ вниманія въ водоворотѣ окружающей жизни. Нужно остановиться на мгновение и бросить взглядъ въ прошлое, чтобы былая дѣйствительность вставала со всѣми своими чертами, терявшимися иногда въ стремительномъ потокѣ жизни. И пусть при такомъ взглядѣ стираются тѣ мелочи, которыя казались когда-то значительными, чтобы тѣмъ ярче вырисовывались общіе контуры, дающіе смыслъ жизненному явленію или человѣческой жизни. И мнѣ хочется иногда подѣлиться съ людьми впечатлѣніями пережитаго. Вѣдь если каждый моментъ общественной жизни есть наслѣдіе предыдущаго, то взглядъ въ прошлое дѣлаетъ для людей яснѣе смыслъ той жизни, которую творятъ они сами.

Вся моя жизнь прошла среди литературы и земской работы. Для меня теперъ несомнѣнно, что одно мѣшало другому. На это

когда-то 'обращалъ вниманіе покойный А. П. Чеховъ и нерѣдко говорилъ со мной по этому поводу. Но я нисколько и ни па одну минуту не жалѣю объ этомъ. Меня съ ранней юности тянуло къ художественной литературѣ и общественной дѣятельности. И безъ того или другого жизнь представлялась бы мнѣ неполной и оставляла бы впечатлѣніе еще меньшей удовлетворенности, чѣмъ теперь. Такъ проходили дни, чередуя жизнь въ столицѣ, губернскомъ городѣ и деревнѣ. Отъ обыденной, совсѣмъ будничной работы, похожей на досадную скачку съ препятствіями, благодаря вѣковой борьбѣ съ развитіемъ русской общественности, обстоятельства переносили меня въ центры художественной и умственной жизни страны, близко сводили меня съ тѣми незаурядными людьми, имена которыхъ словно освѣщали современную имъ жизнь.

И мнѣ хочется для себя и для общества записать нѣсколько воспоминаній объ этомъ. Я не претендую дать характеристику прошедшей передо мной эпохи, не рассчитываю дать яркихъ и исчерпывающихъ образовъ моихъ современниковъ. Это сдѣлается со временемъ историками и историками литературы. Я даже не смотрю на мои нѣсколько случайныя записки, какъ на мемуары. Такая форма, думается мнѣ, уже одной своей литературной законченностью была бы для меня стѣснительной. Пусть это будутъ отрывочныя замѣтки, и пусть онѣ сохранятъ на своихъ страницахъ воспоминанія и образы, встрѣчи и дни, которые, иначе, быть можетъ, исчезли бы изъ памяти. И записать ихъ—кажется мнѣ моимъ литературнымъ и общественнымъ долгомъ.

Первымъ именемъ, которое должно занять мѣсто на этихъ страницахъ, должно быть имя моей няни, Матрены Ивановны Болдыревой. Крѣпостная моей матери, впослѣдствіи ея другъ, дѣлившій съ ней житейскія заботы, она окружала мою жизнь тѣмъ уютомъ и лаской, безъ которыхъ затруднена была бы, быть можетъ, моя общественная и литературная работа. Помню я ее съ тѣхъ поръ, какъ сталъ помнить себя. Это она вынянчила и холила мое дѣтство, подъ ея любящей лаской я росъ, какъ подъ лучомъ яркаго солнца. Со мной переѣхала она въ доставшееся мнѣ по наслѣдству имѣніе и до самой смерти, какъ хозяйка и другъ, заботилась о моей одинокой кочующей жизни, неизмѣнной лаской встрѣчала моихъ литературныхъ и общественныхъ друзей. И многіе изъ нихъ платили ей признательной любовью. Я часто слышалъ отъ нихъ, что такіе типы, изрѣдка

странно выросавшіе на уродливой почвѣ крѣпостного права, теперь уже невозможны. Несомнѣнно—это справедливо по отношенію къ нѣкоторымъ бытовымъ чертамъ типа. И такой неисправимый книжникъ, какимъ былъ покойный В. П. Острогорскій, любилъ сближать мою няню съ знаменитой пушкинской Ириной Родіоновной. Но вспоминая о своей нянѣ, я говорю о вѣчномъ. Я говорю о той беззавѣтной любви и преданности, именно женской преданности, которая всегда была и останется красотой человѣческой жизни.

Тотъ укладъ помѣщичьей жизни, который встрѣчалъ зарю моего дѣтства, постепенно и безслѣдно ушелъ въ вѣчность. То было время совсѣмъ близкое къ крѣпостному праву, котораго я, впрочемъ, не помню. Помѣщичьи дома наполнены были разнообразной дворней, педагогическій персоналъ представлялся многочисленными гувернантками, гувернерами и учителями, и дѣтская жизнь проходила среди природы, обрядовой жизни деревни и разныхъ, иногда неожиданныхъ педагогическихъ опытовъ. Въ сущности мы всѣ, помѣщичьи дѣти, воспитывались болѣе или менѣе одинаково, и на этомъ едва ли есть надобность останавливаться. Все это получило свое вѣрное и прекрасное отраженіе въ художественной литературѣ, все это обстоятельно записано въ воспоминаніяхъ современниковъ. Прекраснымъ въ нашемъ дѣтствѣ было знаніе природы и любовь къ ней, такъ же, какъ знаніе окружающей жизни. Въ то далекое время, когда канитализмъ только еще начиналъ распатывать устои хозяйственнаго строя, классовая борьба была не ярка, и отношенія были иными, дававшими большую возможность простого человѣческаго сближенія, особенно дѣтямъ. Въ такой обстановкѣ я, такъ же какъ и мои сверстники, готовился при посредствѣ многочисленныхъ гувернантокъ и учителей къ поступленію въ привилегированное учебное заведеніе. И десяти лѣтъ отъ роду, послѣ молебна, отправленъ былъ я вмѣстѣ съ братьями цѣлымъ поѣздомъ въ два тарантаса съ подводой, наполненной багажомъ и провизіей, за сто тридцать верстъ на ближайшую тогда желѣзнодорожную станцію для доставленія насъ въ Петербургъ. И тамъ уже, послѣ долгаго путешествія, былъ я по молодости лѣтъ водворенъ въ частный приготовительный пансіонъ. Въ пансіонѣ, впрочемъ, былъ я недолго и, сколько помнится, въ началѣ слѣдующаго учебнаго сезона перешелъ при первой открывшейся ваканціи въ Училище Правовѣдѣнія.

Привилегированныя учебныя заведенія являются несомнѣннымъ историческимъ пережиткомъ. Теряя съ каждымъ днемъ

смыслъ своего существованія, теперь они являются совсѣмъ уже ненужной и дорогой для народа затѣей. И чѣмъ шире распространяется образованіе въ народѣ, тѣмъ долженъ быть ближе часъ ихъ паденія. Но въ свое время въ нихъ царили классовыя традиціи и сохранялся опредѣленный и яркій тонъ. И въ тѣ времена, когда искусство было дворянскимъ, и Лицей, и Училище Правовѣдѣнія насчитывали талантливыхъ питомцевъ. Жемчужникова, Аксакова и Апухтина выпустило училище, и музыка одно время нашла въ немъ пріютъ. Сѣровъ и Чайковскій были еще свѣжи въ памяти училища, когда я въ него поступалъ. И моимъ старшимъ сверстникомъ, воспитанникомъ старшаго класса, когда я былъ въ младшемъ, недолгое время былъ Г. А. Липинъ. Я помню его игру на фортепіано въ долгіе зимніе вечера, его какую-то совсѣмъ особенную, вдохновенную мелодекламацію, которой онъ, кажется, былъ родоначальникомъ въ нашей музыкѣ, помню его всегда ласковое, остроумное обращеніе съ окружающими. Въ томъ же году онъ кончилъ училище. Встрѣчалъ я его потомъ и слышалъ нѣсколько разъ на концертныхъ эстрадахъ и привѣтствовалъ вмѣстѣ съ другими его неизмѣнный успѣхъ... Но какъ-то быстро ушелъ изъ жизни этотъ талантливый юноша, и мнѣ всегда казалось, что онъ унесъ съ собою какія-то неисполненные, но большія возможности.

Учился я лѣнливо и плохо. По тѣмъ предметамъ, которые меня интересовали, я шелъ хорошо, много работалъ и много читалъ. Зато по другимъ рѣшительно ничего не дѣлалъ, являя собою примѣръ лѣнтяя первостепеннаго. Въ то же время знакомство съ тогдашними студенческими кружками, съ ихъ полной общественнаго интереса жизнью, тянуло меня изъ училища. Я мечталъ о подготовкѣ къ гимназическому экзамену, мечталъ объ университетѣ. И онъ представлялся мнѣ въ двойномъ ореолѣ. Въ ореолѣ храма чистой науки и въ то же время въ ореолѣ того храма справедливости, лучи которой озаряютъ мою родину. Кончились эти мечты однако совсѣмъ прозаически. Пробылъ я въ училищѣ всего года четыре, возясь съ переэкзаменовками, и, наконецъ, отказавшись отъ послѣдней, вышелъ для дальнѣйшей гимназической подготовки. Упоминаю объ этомъ здѣсь потому, что въ сущности за все время пребыванія въ училищѣ я исключительно занимался литературой и издавалъ рукописный классный журналъ, интересовавшій товарищей и вызывавшій иногда громы начальства по поводу „Внутреннихъ обозрѣній“.

Ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ сотрудникомъ журнала былъ мой товарищъ по классу—Василій Львовичъ Величко. Это былъ очень

первый, богато одаренный юноша, превосходно владѣвшій стихомъ. Въ сжатой формѣ стиха онъ умѣлъ передать самый колоритъ настроенія, его характерные оттѣнки. Вскорѣ онъ выступилъ въ общей литературѣ, начавъ, кажется, съ тогдашняго иллюстрированнаго журнала „Живописное Обозрѣніе“, и по достоинству былъ замѣченъ и оцѣненъ обществомъ. Судьба разобщила и развела насъ въ разныя стороны, и я издали продолжалъ слѣдить за ростомъ моего школьнаго товарища, выросавшаго въ искренняго и вдумчиваго поэта. И чѣмъ дальше уходили дни жизни, тѣмъ значительнѣе и глубже разъединяли они меня съ моимъ школьнымъ товарищемъ. Въ то время, когда онъ уходилъ направо, я все больше и больше отклонялся лѣво. Я зналъ, что В. Л. Величко уѣхалъ редактировать правительственную газету на Кавказъ, а потомъ, вернувшись, сдѣлался однимъ изъ ревностныхъ членовъ „Русскаго Собранія“. Я же къ тому времени принадлежалъ къ другимъ, совсѣмъ противоположнымъ сферамъ русской общественности. И все-таки, когда зимой 1891 года мы встрѣтились въ Петербургѣ, между нами, бывшими школьными товарищами, а теперь идейными врагами, нашелся общій языкъ. Такимъ языкомъ была любовь къ литературѣ и интересъ къ художественному творчеству. Величко зашелъ ко мнѣ, и просилъ, вспоминая начало нашей совмѣстной дѣтской работы, зайти къ нему пообѣдать, предваривъ его своевременно. Я это и сдѣлалъ, пославъ ему извѣщеніе въ слѣдующей формѣ:

Коль разныхъ несчастій по волѣ боговъ
Со мною, мой другъ, не случится,
Въ субботу, на Ванькѣ, къ тебѣ въ шесть часовъ
Твой вѣрный товарищъ примчится.
Заставимъ мы снова съ тобою жить
Картины минувшаго дѣтства;
Чтобъ въ сердцахъ тоску и печаль заглушить,—
Не знаю я лучшаго средства.
Для призраковъ мимыхъ забудемъ мы свѣтъ,
Гдѣ все—илъ обманъ, иль утрата.
Итакъ—до свиданья. Прими мой привѣтъ,—
Поклонъ отъ печальнаго брата.

Ждать мнѣ пришлось недолго. Отвѣтъ по почтѣ пришелъ на другой день:

Томимъ хандрою неизбежной,
Я на судьбу ворчалъ, но стихъ,
Когда во мракъ души мятежной
Проникъ твой ласковый и нѣжный,
Твой искрометный, звонкій стихъ.

Влекомъ извошчыей кобылкой
 И жаждой родственной души,
 Спѣши ко мнѣ, и за бутылкой
 Змию печали рѣчью пылкой,
 Волнами хохота души.
 Лопатой памяти, Владиміръ,
 Амісе, прахъ былого рой.
 И самъ Слефогтъ ¹⁾ войдетъ ins Zimmer,
 Влетитъ исчезнувшій für immer
 Событій дѣтства смутный рой.

В. Величко.

Обѣдъ былъ очень оживленнымъ, сердечнымъ и интереснымъ. Обѣдало насъ на этотъ разъ немного, — всего только трое. И третьимъ былъ дружески расположенный къ В. Л. Величко — В. С. Соловьевъ. Теперь, издали, составъ собесѣдниковъ за товарищескимъ столомъ кажется мнѣ достаточно оригинальнымъ.

Представитель лѣваго теченія тогдашней общественности въ моемъ лицѣ, опредѣленно правыхъ убѣжденій поэтъ и, наконецъ, глубочайшій мистикъ и философъ, образъ незабвенный для всѣхъ, его знавшихъ, — В. С. Соловьевъ. До поздней ночи тянулась бесѣда на темы художественнаго творчества, его глубинъ и значенія, переплетаясь съ мистическимъ исканіемъ вѣчной правды и проблеммой таинственнаго назначенія человѣчества... Приходилось мнѣ и еще нѣсколько разъ встрѣчаться съ В. Л. Величко, иногда въ сообществѣ того же В. С. Соловьева. Вскорѣ я уѣхалъ въ провинцію и уже тамъ узналъ изъ газетъ о ранней кончинѣ моего школьнаго товарища, съ которымъ мы когда-то работали въ дѣтскомъ рукописномъ журналѣ, гдѣ среди стиховъ и прозаическихъ отрывковъ встрѣчались попытки довольно наивныхъ, но иногда зазорныхъ статей.

II.

Однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей среди интеллигенціи Петербурга былъ въ свое время Викторъ Петровичъ Острогорскій. Онъ былъ учителемъ словесности въ многочисленныхъ гимназіяхъ, былъ причастенъ литературѣ, въ которой выступалъ, какъ очень талантливый популяризаторъ. Его біографіи классическихъ писателей и такія книжки, какъ „Изъ міра великихъ преданій“, широко расходились по всей Россіи, на нихъ, также

¹⁾ Учитель латинскаго языка.

какъ и на его лекціяхъ и урокахъ, воспитывались цѣлыя поколѣнія. Его многочисленные ученики и еще болѣе многочисленные ученицы разносили его извѣстность по всей странѣ вмѣстѣ съ анекдотами о немъ и молвой объ обаятельности его личности.

В. П. Острогорскій былъ чрезвычайно оригинальнымъ типомъ убѣжденнаго педагога и литератора, типомъ, ярко отразившимъ на себѣ всю эпоху шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Этой эпохой отъ него, такъ сказать, вѣяло, и онъ пронесъ съ собою ея черты до самой могилы. И наиболѣе характернымъ выраженіемъ той эпохи являлся онъ не въ томъ ея теченіи, которое отрицало эстетику, а наоборотъ, въ томъ, которое ей поклонялось. Человѣкъ близкій къ театру, преподававшій выразительное чтеніе и литературу въ театральномъ училищѣ, Острогорскій былъ своеобразнымъ эстетомъ, направленія, разумѣется, самаго реалистическаго.

Я познакомился съ нимъ тогда, когда онъ редактировалъ журналъ „Дѣтское Чтеніе“, куда я принесъ свой маленькій и, сколько помнится, довольно наивный рассказъ. Издателемъ маленькаго журнальчика былъ уральскій казакъ Бородинъ, тоже довольно типичный шестидесятникъ. Рассказъ мой понравился. Я былъ немедленно обласканъ Редакціей и немедленно же приглашенъ ею выпить ставапъ пива. Редакція вообще носила характеръ демократичности чрезвычайной.

Считаю необходимымъ замѣтить теперь же, что Острогорскій не былъ пьяницей. Это былъ скорѣе типъ глубокой богемы и бражникъ, любившій засиживаться по трактирчикамъ и ресторанамъ въ горячихъ спорахъ и бесѣдахъ съ товарищами. Только, можетъ быть, въ послѣдствіи, когда пошатнулось его здоровье, и онъ очень быстро пьянѣлъ, онъ могъ производить впечатлѣніе человѣка, имѣвшаго болѣзненное пристрастіе къ вину. И работоспособность и многочисленность занятій Острогорскаго оправдываютъ мое утвержденіе. Слава В. П. Острогорскаго, какъ учителя, очевидно покоилась на его безпредѣльной любви къ своему предмету. Пусть его научный багажъ могъ быть недостаточнымъ для ученаго, но онъ съ такимъ увлеченіемъ передавалъ его слушателямъ, всегда расширяя сухія и формальныя рамки программы, что слушатели увлекались, становясь на единственно вѣрный путь самообразованія. Отсюда и искренняя, горячая любовь слушателей къ своему лектору, которую мнѣ случалось такъ часто наблюдать въ теченіе моего долгаго знакомства и дружбы съ В. П. Острогорскимъ.

Любовь эта принимала иногда поистинѣ трогательныя формы.

И можетъ быть, самымъ красивымъ ея проявленіемъ была встрѣча Острогорскаго раннимъ утромъ на улицѣ со своими ученицами петербургской Коломенской гимназіи. Передъ этимъ Острогорскій былъ, кажется, послѣ ареста Шелгунова, временнымъ и, вѣроятно, фактивнымъ редакторомъ журнала „Дѣло“. Какъ редакторъ, онъ подвергся обыску и препровождался въ участокъ для какихъ-то объясненій. Былъ тотъ утренній часъ, когда петербургскія улицы наполняются учащимися. И какъ разъ на углу какой-то улицы гимназистки старшихъ классовъ встрѣтили своего учителя, сопровождаемаго стражей. Полились искреннія слезы, вызванныя нелѣпой русской дѣйствительностью. Ибо нѣтъ возможности представить себѣ что-либо безобиднѣе въ политически-бунтарскомъ смыслѣ этого идеалиста-педагога... Изъ участка, впрочемъ, его немедленно выпустили. Но и въ участкѣ, повидимому, была довольно сильна его популярность. По крайней мѣрѣ знакомые много смѣялись по поводу другого посѣщенія Острогорскимъ участка. Дѣло было такъ. Засидѣвшись ночью въ ресторанѣ „Золотой якорь“, Острогорскій съ товарищемъ возвращался домой. Но въ своемъ приподнятомъ настроеніи онъ не могъ равнодушно проѣхать мимо памятника Петра Великаго. Онъ остановилъ извозчика и вмѣстѣ съ товарищемъ подошелъ къ памятнику, чтобы продекламировать пушкинскіе стихи по адресу Мѣднаго Всадника. Въ пылу декламаціи Острогорскій уронилъ за рѣшетку памятника свой портфель, за которымъ пытался перелѣзть за рѣшетку его товарищъ. Кончилось это появленіемъ городского и водвореніемъ нарушителей порядка въ участокъ. Но именно тамъ ждала ихъ помощь. Былъ посланъ полицейскій за портфелемъ, а популярнымъ педагогамъ было предложено пиво...

Такое приключеніе является очень характернымъ для Острогорскаго. И впослѣдствіи, когда мы съ нимъ путешествовали по Крыму, или когда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ деревню, — мнѣ всегда бросалась въ глаза его оригинальная черта литератора-книжника. Острогорскій, повидимому, меньше чужалъ красоты природы, чѣмъ ея литературныя отраженія. И когда передъ нимъ вдругъ, на поворотѣ шоссе, появлялась лазурная полоса моря, онъ вспоминалъ соотвѣтствующіе стихи и не могъ ихъ не высказать такъ же, какъ не могъ не привѣтствовать Мѣднаго Всадника... Долгіе годы прожилъ я въ дружбѣ съ Острогорскимъ, черпая въ этой беззавѣтной любви книжника къ великой литературѣ какое-то бодрое чувство. Любовь, — подлинная любовь, — всегда благотворна и заразительна. Но при всей любви къ строгимъ классическимъ образцамъ Острогорскій не былъ лишенъ

своеобразнаго юмора. Лично знавшіе его помнятъ и исполненіе имъ пѣсни Гейне: „Скажи мнѣ, кто вздумалъ часы изобрѣсть“ и исполненіе сочиненной имъ оперы „Чашка шоколада“, одной изъ раннихъ пародій на оперные спектакли. И когда, провожая его изъ Алушты въ Петербургъ вмѣстѣ съ товарищемъ, близкіе ему люди успокоились, снабдивъ его билетомъ и всѣмъ необходимымъ для путешествія, имъ пришлось немало смѣяться, получивъ телеграмму:

Идемъ, идемъ—третій день.
Трезвы, будто два дитяти,
Кровъ вагона—наша сѣнь,
Покупаемъ вздоръ печати;
Осторожно водку пьемъ,
Помня малость нашихъ средствъ.
Такъ въ вагонахъ мы живемъ
Безъ печали и безъ бѣдствій.

Привожу здѣсь и еще одно изъ юмористическихъ стихотвореній В. П. Острогорскаго, которое онъ часто декламировалъ и любилъ записывать пріятелямъ на память въ альбомы. Вотъ эти стихи:

Въ жизни важно только важное.
Съ нимъ и слѣдъ впередъ идти,—
По тому пути отважные
Не застрянутъ на пути.
А когда дѣла неважные
Человѣка обойдутъ,
Такъ и самые отважные
Человѣка не спасутъ.
Весь онъ съ грязью несказанною
Погрузится въ тицу бѣдъ:—
Очень жалко окаяннаго,
Что погибъ во цвѣтѣ лѣтъ.

Въ сущности преподаваніе и популяризація знаній была главнымъ жизненнымъ дѣломъ Острогорскаго. Въ этомъ сопровождалъ его успѣхъ всюду — отъ гимназіи до устраивавшихся земствомъ общеобразовательныхъ курсовъ для учителей. Но случалось ему выступать и редакторомъ. Кромѣ „Дѣтскаго Чтенія“, ему пришлось организовать вмѣстѣ съ Александрой Аркадьевной Давыдовой журналъ „Міръ Божій“, перешедшій потомъ въ реформированномъ видѣ въ „Современный Міръ“. Въ началѣ журналъ былъ задуманъ не какъ общій литературно-политическій, а какъ серьезный популярный журналъ для юношества. Я участвовалъ въ первой Редакціи этого журнала и долженъ сказать, что роль

Острогорскаго была не изъ легкихъ и не изъ удачныхъ. Дѣло въ томъ, что по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ и невозможно было поставить сколько-нибудь сносно журналъ съ такой задачей, и пришлось поневолѣ переходить на обычный типъ общаго журнала, къ редактированію котораго Острогорскій былъ явно неподготовленъ. И его вопросы, обращенные ко мнѣ по поводу того, что, говорятъ, появились какіе-то марксисты, были достаточно комичны въ то время, когда именно въ журналѣ, редакторомъ котораго онъ числился, эти марксисты свивали себѣ прочное гнѣздо... Не въ этомъ, повторяю, заключалось жизненное дѣло Острогорскаго, но суть своей жизни связалъ онъ съ большой и талантливой работой. Работу эту онъ закончилъ красиво: основаніемъ народной школы въ Валдаѣ, гдѣ у него была маленькая усадьба въ послѣдніе годы его жизни. Изъ огромной, къ сожалѣнію, утраченной мной переписки у меня осталось немного. Привожу здѣсь два его письма. Въ одномъ онъ предоставляет мнѣ право издать составленную имъ біографію Жуковскаго въ пользу пушкинскаго общества народныхъ учителей пензенской губерніи и говоритъ о своей школѣ, а другое рисуетъ его настроеніе незадолго передъ смертью.

16 сентября 1901 г.

Дорогой другъ мой
Владиміръ Николаевичъ.

Живу въ новой маленькой квартиркѣ на той же лѣстницѣ, противъ прежней. Хозяйствомъ заправляетъ Александра Александровна, ухаживающая за мной, какъ за ребенкомъ. Но... одиночество... немножко тяжело. Сажу дома, да и ходить некуда. Елизавета Яковлевна хворааетъ... Нашелъ, говорятъ, чудеснаго учителя для Валдайской школы, который съ садовникомъ и предаются дѣлу. На дняхъ будетъ утвержденъ уставъ попечительства школы, и 13-го октября, вѣроятно, будетъ первое собраніе. Радъ за успѣхъ дѣла Жуковскаго и Гоголя (мое изданіе въ пользу пушкинскаго общества В. Л.). Считаю нужнымъ сообщить, что тверское земство обратилось ко мнѣ съ просьбой дать изъ „Двадцати біографій“ Жуковскаго и Гоголя для бесплатной раздачи въ 50000 экз. по Тверской губерніи. Думаю, это не повредитъ дѣлу Вашего общества. Впрочемъ я написалъ объ уступкѣ Жуковскаго вамъ и просилъ съ вами снестись. Портреты обязательно и стихотворенія съ примѣчаніями помѣщай... На юбилей Д. И. Тихомирова буду обязательно, выѣзжаю въ четвергъ. Юбилей будетъ праздноваться помпезно: — ко мнѣ пріѣзжалъ Южинъ и

просилъ быть предсѣдателемъ на банкетъ въ Лит. Худ. кружкѣ. Поцѣлуй Петра Федоровича Орелкина.

Твой Викторъ Острогорскій.

1902 г. февраля 21.

Дорогой, милый другъ

Владиміръ Николаевичъ.

Комнаты отдѣльной у меня нѣтъ, но есть диванъ въ моемъ кабинетѣ... Ты насъ не стѣснишь, а напротивъ, оживишь наше одиночество. Побесѣдовали бы о многомъ. Александра Аркадьевна Давыдова какъ будто поправляется. Я самъ затосковалъ, но ты размыкаешь мою тоску. Ждемъ.

Твой В. Острогорскій.

Острогорскому не пришлось дожидаться меня. Смерть отъ рожистаго воспаленія при общей слабости сердца быстро свела его въ могилу... И теперь изъ прошлаго встаетъ передо мной образъ талантливаго, отзывчиваго и необыкновенно добраго человѣка со всѣми чертами времени, ушедшаго, какъ и онъ, въ вѣчность.

III.

Рядомъ съ именемъ Острогорскаго по несомнѣнному праву должно занять мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ имя Петра Федоровича Орелкина. По характеру Орелкинъ въ извѣстной степени былъ противоположностью Острогорскаго. И если Острогорскій былъ человѣкомъ дѣйственнаго слова, одной изъ разновидностей рудинскаго типа, то Орелкинъ былъ человѣкомъ реальнаго, даже практическаго дѣла. Сынъ крестьянина новгородской губерніи, пробившійся собственными силами въ интеллигенцію, онъ таилъ въ себѣ свою крестьянскую сметку вмѣстѣ не съ идейной только, а органической любовью къ народу. Вращаясь въ своей земской работѣ главнымъ образомъ въ области народнаго образованія, я безъ всякаго преувеличенія могу сказать, что такого яркаго педагогическаго таланта мнѣ не приходилось встрѣчать ни прежде, ни послѣ. И было очевиднымъ, что для его развитія Орелкинъ въ ранней юности тревожно искалъ самобытныхъ путей. Кончивъ городское училище, онъ безъ всякаго, разумѣется, матерьяльнаго обезпеченія уѣхалъ въ Швейцарію, представлявшую тогда передовою страной въ дѣлѣ постановки народнаго образованія. И

только уже, кажется, послѣ этой поѣздки, снабдившей его богатыми наблюденіями, кончилъ учительскій институтъ. Влюбленный въ свое дѣло крестьянскій сынъ теперь сознательно отдавалъ себя на службу народу.

Педагогическая дѣятельность Орелкина началась учительствомъ въ городскомъ училищѣ и продолжалась инспекторствомъ въ городскомъ училищѣ Царскаго Села. Исключительная яркость его таланта и его природныя свойства сдѣлали изъ Орелкина не только поклонника Ушинскаго, какими были тогда всѣ сколько-нибудь убѣжденные педагоги, но и прямого и оригинального продолжателя его традицій. Познакомился я съ нимъ на земской работѣ въ Пензѣ, куда онъ былъ назначенъ инспекторомъ народныхъ училищъ. На такое назначеніе я сперва не обратилъ никакого вниманія. Слишкомъ тогда была извѣстна съ отрицательной или безразличной стороны роль инспекторовъ въ дѣлѣ образованія. И передъ этимъ незадолго у насъ скончался старый и добродушный чиновникъ, обижавшійся однако, если ему не подавали учителя калошъ. Но вотъ, черезъ нѣсколько дней по приѣздѣ, Орелкинъ зашелъ ко мнѣ. Онъ сказалъ, что пришелъ именно потому, что слышалъ о моемъ интересѣ къ народному образованію, и что онъ былъ бы радъ работать совмѣстно. И меня поразило то, что съ первыхъ же словъ онъ заговорилъ о непормальномъ и приниженномъ положеніи учительства, о необходимости его организовать. И въ дальнѣйшемъ моя земская работа на цѣлый десятокъ лѣтъ слилась съ работой Орелкина. Дѣятельность его, благодаря яркости его таланта и какому-то особенно деликатному руководительству учительской средой, вносила бодрость и радость туда, гдѣ ея, казалось, не полагалось по штату.

Вліяніе Орелкина было громадно и простиралось далеко, если принять во вниманіе, что тогда вся губернія дѣлилась на два инспекторскіе участка. На мою долю выпало тоже участіе въ организаціи пензенской народной школы. И я долженъ сказать безпристрастно, что въ этой организаціи я былъ только слабымъ помощникомъ Орелкина. Но благодаря его участию, оживились и другія отрасли дѣла. Легче стало устраивать курсы для народныхъ учителей, на которыхъ намъ часто приходилось выступать съ нимъ совмѣстно. Внешкольное образованіе, начинавшееся тогда земствомъ, въ его лицѣ неизмѣнно встрѣчало авторитетную и мощную поддержку. И, наконецъ, по его инициативѣ возникло Пушкинское общество взаимопомощи народныхъ учителей пензенской губерніи. На мнѣ лежала за-

дача связать это общество съ земствомъ, да добывать на первое время небольшія средства путемъ издательства популярныя книжечъ. Это были дешевыя біографіи писателей, частью написанныя мной, частью Острогорскимъ, да такія популярныя брошюры, какъ „Александръ II“—Н. Ф. Езерскаго... И теперь, когда оглядываешься назадъ, кажется удивительнымъ, что Орелкинъ могъ такъ много сдѣлать для школы въ условіяхъ самыхъ неблагопріятныхъ для этого. А пачальную городскую школу онъ буквально вывелъ съ задворковъ и довелъ ее до зала Городской Думы и Дворянскаго Собранія, гдѣ устраивала она свои музыкально-литературныя утра. Не обходилось, разумѣется, и безъ курьезовъ. Такъ, когда извѣстное хрестоматическое стихотвореніе объ епископѣ Гаттонѣ, съѣденномъ мышами, вызвало губернаторское подозрѣніе въ революціонности по тому случаю, что въ губерніи былъ „педородъ“, мнѣ пришлось въ цѣляхъ оправданія программы доказывать, что епископъ былъ по меньшей мѣрѣ католикомъ...

Болѣзнь сердца рапо свела въ могилу Орелкина, какъ разъ во время освободительнаго движенія, на которое онъ, соціал-демократъ по убѣжденіямъ, возлагалъ надежды въ смыслѣ нормальной постановки любимаго имъ дѣла народнаго образованія. И съ собой въ могилу унесъ онъ любовь всѣхъ знавшихъ его народныхъ учителей. Какъ-то незамѣтно и просто прошла эта жизнь талантливаго человѣка. Но глубокіе и плодотворные слѣды оставила она по себѣ. Поистинѣ П. Ф. Орелкинъ сдѣлалъ все, что только могъ для блага людей такъ, какъ онъ понималъ это благо. И теперь еще приходится встрѣчать въ школахъ пензенской губерніи, въ учительскихъ помѣщеніяхъ, портреты Орелкина. Старыя, выцвѣтшія фотографическія карточки...

IV.

Шестидесятые годы вызвали большой интересъ къ только что освобожденному крестьянству. И этотъ интересъ тотчасъ же нашелъ себѣ отраженіе въ художественной литературѣ. Появились писатели-народники. Большинство изъ нихъ впрочемъ обладало скромными по размѣру талантами, и ихъ блескъ они еще уменьшали, заливая его самой тенденціозной публицистикой. Но таково уже было требованіе времени, и оно сыграло свою роль въ демократизаціи нашей литературы. Это можно сказать о многочисленныхъ *dii minores* тогдашней беллетристики, а не о та-

комъ гигантъ творческой мысли, какимъ былъ, напримѣръ, Глѣбъ Успенскій. Беллетристика изъ народной жизни наполняла страницы журналовъ, и мы, тогда юноши, за нею съ интересомъ слѣдили. И я былъ очень обрадованъ товарищемъ, обѣщавшимъ меня познакомить съ однимъ изъ писателей-народниковъ, — Павломъ Владиміровичемъ Засодимскимъ. Я ждалъ этого знакомства, предполагая встрѣтиться съ однимъ изъ ярыхъ революціонеровъ. Дѣло въ томъ, что имя Засодимскаго было извѣстно тогда въ литературныхъ кружкахъ и среди молодежи благодаря недавно напечатанному въ „Отечественныхъ Запискахъ“ его роману — „Хроника села Смурна“. Въ романѣ этомъ, сколько помнится, мужики стремились исключительно къ правдѣ и стояли за правду. А его герой, Василій Кряжевъ, такъ прямо поражалъ своей стойкостью за „міръ“ и общественные интересы. Романъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ, часто спрашивался въ библіотекахъ, распространенію его не препятствовали. И все-таки въ нѣкоторыхъ кружкахъ молодежи были почему-то убѣждены, что романъ изданъ былъ за границей. Неудивительно поэтому, что въ лицѣ Засодимскаго я ожидалъ встрѣтить суроваго и непреклоннаго революціонера. Но совсѣмъ иное впечатлѣніе ожидало меня въ маленькой квартиркѣ пятого или шестого этажа. Были жарко натопленныя три комнатки и среди нихъ чрезвычайно добрый и ласковый человѣкъ съ сѣдыми выющимися волосами въ бархатной художнической блузѣ. Это и былъ П. В. Засодимскій. Онъ и тогда страдалъ какой-то грудной болѣзнью, боялся простуды, а по лѣтамъ пилъ кумысъ. Жилъ онъ вдвоемъ съ женой, пожилой уже и тоже очень доброй женщиной, и жилъ очень небогато, на границѣ приличной бѣдности. Литературный заработокъ являлся для него, разумѣется, единственнымъ источникомъ жизни. А для некрупныхъ писателей это, какъ извѣстно, тяжелый хлѣбъ. Заботливость четы Засодимскихъ другъ о другѣ была поистинѣ трогательной. И какъ въ первое посѣщеніе, такъ и во всѣ послѣдующіе, — ибо я искренно подружился съ семьей Засодимскихъ и посѣщалъ ихъ довольно часто, — я всегда уносилъ впечатлѣніе чего-то задушевнаго и ласковаго, впечатлѣніе идилліи, современныхъ Филемона и Бавкиды. Таковыми они и были въ своей всегда скромной, трудовой жизни. Многочисленные романы и повѣсти Засодимскаго громкимъ и большимъ успѣхомъ не пользовались, но писались всегда съ хлопотливой любовью. Очевидно, Засодимскій былъ призваннымъ литераторомъ и другимъ дѣломъ въ жизни заниматься не могъ бы, но литераторомъ съ небольшимъ и не яркимъ талантомъ. Наибольшимъ успѣхомъ пользо-

вались его дѣтскіе рассказы, дававшіе ему, кажется, и наибольшій заработокъ. И пользовались, думается мнѣ, потому, что въ нихъ личныя свойства Засодимскаго, какъ человѣка, могли высказаться ярче, чѣмъ въ художественномъ творествѣ съ задачами болѣе крупными. Дожилъ Засодимскій и до своего писательскаго юбилея, который праздновался прогрессивной частью русской литературы и собралъ видныхъ ея работниковъ съ Н. К. Михайловскимъ во главѣ. И въ юбилейныхъ привѣтствіяхъ отмѣчались и прекрасныя его качества, какъ человѣка, и то искреннее и всегда честное отношеніе къ писательству, которому онъ, какъ могъ и умѣлъ, служилъ всю свою жизнь.

Въ писательскихъ юбилеяхъ есть всегда много ненужнаго, фальшиваго и забавно-помпезнаго. На многихъ присутствовалъ я и уходилъ чаще всего съ чувствомъ стыда. Крики—„да будетъ ему триумфъ“ по праву принадлежать или народу или исторіи, а не тѣснымъ кружкамъ единомышленниковъ. Но на этомъ довольно скромномъ праздникѣ мнѣ казалось, что писатель находитъ отраду въ непреувеличенной оцѣнкѣ своей тяжелой трудовой жизни... Привожу здѣсь документъ, оставленный мнѣ въ видѣ грамоты Засодимскимъ послѣ проведеннаго имъ у меня лѣта въ деревнѣ. Мнѣ кажется, что онъ характеризуетъ и его юморъ и въ перечнѣ написаннаго за одно короткое лѣто указываетъ на сосредоточенность писательской работы Засодимскаго. Вотъ эта грамота:

„Симъ точно удостовѣряю, что я, нижеподписавшійся, дворянинъ Имперіи Россійской, Павелъ Засодимскій (онъ же Вологдинъ, Владиміровъ, Валевская и проч. и проч. и проч.) молитвами святыхъ отцовъ, а также по приглашенію добродѣтельнаго хозяина дома сего, провелъ благопотребно лѣто 1888 года отъ Рождества Христова, а отъ сотворенія міра въ 7396-е ¹⁾ здѣсь въ сельцѣ Липнягахъ (или Липягахъ), у обладателя онаго, Владиміра Ладыженскаго, владѣльца одного Малаго Трианона, многихъ овецъ, барановъ и иныхъ животныхъ, коихъ десятою заповѣдью Моисеевой желать строго воспрещено,—впрочемъ за исключеніемъ жены и осла ²⁾. Жительствовалъ я оное лѣто въ качествѣ не-

¹⁾ За точность послѣднихъ цифръ не ручаюсь, ибо упоминаемое здѣсь происшествіе случилось, повидимому, во времена довольно отдаленныя.

²⁾ Дабы не навлечь на себя нареканія за ложное толкованіе десятой заповѣди, долгомъ считаю пояснить, что словами „за исключеніемъ жены и осла“ я всеконечно не хотѣлъ провести ту мысль, что десятою заповѣдью якобы дозволяется желать осла и жены искренняго твоего. Отнюдь нѣтъ! Я только стремился указать на то, что вышесказанныхъ домашнихъ животныхъ, насколько могу довѣрить свидѣтельству

годя и бездѣльника и въ качествѣ такового не въ похвалу себѣ и ближнимъ моимъ не на поученіе настроилъ слѣдующія писанія, кои и тщусь помедля мало предать тисненію на страницахъ какого нибудь россійскаго ревю:

Во-первыхъ: рассказъ подъ заглавіемъ „Исторія одной уставной грамоты“ — не изъ тѣхъ сюжетовъ, что бабамъ и дѣвицамъ нравятся;

Во-вторыхъ: рассказъ „О томъ, какъ попъ Киргиза купилъ“ — по существу не столько трогательный, сколько глупый;

Въ-третьихъ: рассказъ подъ заголовкомъ „Старикъ“, въ коемъ читатель по желанію можетъ найти и любовь, и розы, и чертей;

Въ-четвертыхъ: повѣсть „Бѣлый Левкой“, о коей всѣ умные рецензенты на свѣтѣ, по совѣсти говоря, должны въ одинъ голосъ замѣтить, что, судя по этому произведенію, „нашъ извѣстный“ писатель (имя рекъ) окончательно изъ ума выжилъ;

Въ-пятыхъ: весьма основательно начата, но совершенно безосновательно не окончена повѣсть изъ жизни „любезныхъ нашихъ простолудиповъ“ — подъ заглавіемъ „Грѣхъ стараго чабана“.

Въ-шестыхъ: набросана вчернѣ повѣсть — „Недугъ нашего времени“, о коей могу только сказать, что уповаю на нее;

Въ-седьмыхъ: начата статья объ умственномъ движеніи во дни императора Александра I; статья — „сама по себѣ“ ничего, но не особенно тому радуюсь, ибо мню, что ни одна собака, кромѣ цензора, ее не прочитаетъ.

Въ-восьмыхъ: писаны (но не окончены) въ шутливо опереточномъ тонѣ весьма забавные очерки изъ временъ царя Ирода. Засимъ, —¹⁾

„Изъявивъ за угощенье
Вотъ ²⁾ признательность мою,
Я въ сердечномъ восхищеніи
За здоровье его ³⁾ пью (т.-е. кумысъ).“

Дано въ Липягахъ въ 31 день (непастный) іюлія мѣсяца, а годъ смотри гораздо выше.

II. Засодимскій.

очей своихъ, у владѣльца Липяговъ еще не имѣется, чего ради-для мною и сказано: „за исключеніемъ и т. д.“

¹⁾ Сіе стихотвореніе заимствовано мной съ одной изъ спичечныхъ коробокъ почтеннаго полковника Гессе.

²⁾ Въ словѣ „вотъ“, повидимому, не должно быть отыскиваемо особаго смысла: сіе рѣшеніе, насколько можно догадываться, употреблено для сохраненія размѣра стиха и безъ всякой задней мысли. Дѣти и нѣкоторые поэты чаще впрочемъ въ такихъ случаяхъ ставятъ слово „ужъ“.

³⁾ Подъ симъ мѣстоименіемъ долженъ быть подразумѣваемъ никто иной, какъ самъ, т. е. Донъ Трианонскій.

V.

Изъ личныхъ наблюденій въ пору юности вывелъ я ту огромную разницу, которая была между писателями-дворянами и писателями-разночинцами, пришедшими на смѣну первымъ въ литературѣ. Разница эта была ярко отмѣчена, если не ошибаюсь, Глѣбомъ Успенскимъ. Рѣчь идетъ о дѣтствѣ. Въ то время, когда у писателей-дворянъ съ дѣтствомъ по большей части связаны самыя радостныя и свѣтлыя воспоминанія, когда отблескъ этого радостнаго дѣтства сопровождаетъ ихъ дальнѣйшую жизнь и работу, на долю разночипцевъ выпадаетъ иное дѣтство. Оно полно лишеній, выковываетъ ихъ работоспособность, дѣлая ихъ обязанными въ жизни исключительно себѣ. И въ то же время для нихъ лучшее и свѣтлое лежитъ въ будущемъ, а не въ прошломъ, гдѣ иногда не па что оглянуться.

Это относится въ извѣстной мѣрѣ и къ Дмитрію Наркиссовичу Мамину. По крайней мѣрѣ я могъ сдѣлать такой выводъ изъ его, всегда впрочемъ скупыхъ, впечатлѣній дѣтства, которыми со мною онъ дѣлился. Суровая и бездушная учеба въ семинаріи переплеталась въ этихъ разсказахъ съ картинами бѣдной жизни припиженного духовенства и рабочаго люда. И фономъ для нихъ служила могучая и красивая природа Урала, которую Маминъ-Сибирякъ чувствовалъ непосредственно, какъ настоящій художникъ. И въ каждомъ мѣткѣ, съ народнымъ оттѣнкомъ, словѣ Мамина чувствовалась какая-то безсознательная, стихійная любовь и къ этимъ роднымъ ему людямъ, и къ этой павсегда запечатлѣвшейся въ его сердцѣ природѣ. Въстѣ съ тѣмъ передъ нимъ съ ранняго дѣтства проходили новыя люди Урала, пионеры нарождавшейся промышленности,—некультурные, по рѣшительные, съ закаленной волей, не умѣвшіе и не желавшіе порой считать заработанныхъ шальнымъ успѣхомъ денегъ. И если, несомнѣнно, что писатель можетъ писать только то, что знаетъ, то Маминъ осмыслилъ и освѣтилъ свои обширныя знанія любовью, и Уралъ,—оригинальный и разнообразный,—принесъ съ собою русской литературѣ.

И то, что онъ съ собою принесъ, было не только оригинальнымъ и новымъ, но и чрезвычайно значительнымъ въ художественномъ отношеніи. Этотъ уралецъ поистинѣ всю свою жизнь прожилъ среди художественныхъ образовъ своего родного края, которые заслоняли отъ него жизнь остальной страны. Я думаю,

что такую мысль можетъ подтвердить слѣдующій отрывокъ изъ его письма ко мнѣ отъ 1-го января 1904 года:

„...Проживаю я въ Царскомъ Селѣ и рѣдко гдѣ бываю,— вѣрнѣе — нигдѣ, за самыми рѣдкими исключеніями. Вотъ и праздники всѣ сижу дома, ибо никуда не тянетъ, да и некуда итти. Какъ-то все надоѣло... Пописываю, почитываю и очень доволенъ, когда день проходитъ. Дѣла идутъ хорошо, на здоровье не могу пожаловаться, а такъ, усталъ. Хочу усиленно поработать до весны, а тамъ хотѣлось бы сдѣлать передышку мѣсяца на три. Между прочимъ, собираюсь и къ себѣ въ Пензу. Нужно же видѣть свое отечество, а то центральной Россіи вѣдь я совсѣмъ не знаю. Чужая она какая-то и совершенно непонятная для меня. Питерскихъ новостей не знаю, да ихъ, кажется, и нѣтъ. Всѣ толкуютъ о войнѣ съ японцемъ, и никто ничего не знаетъ. Въ литературѣ, какъ на Шипкѣ—„все спокойно“. Всѣ тебѣ кланяются. Крѣпко тебя обнимаю и цѣлую.

Твой Д. Маминъ.

Маминъ былъ близокъ къ народническимъ кружкамъ литературы не въ силу своей партійности, которой у него никогда не было, а просто по искренней демократичности своей натуры. И эта демократичность вмѣстѣ съ своеобразнымъ юморомъ и отсутствіемъ рисовки и фальши привлекала къ нему всѣхъ его знавшихъ. Въ русской литературѣ это была оригинальная фигура человѣка, принесшаго свой мощный талантъ изъ народной среды и носившаго на себѣ ея подлинный отпечатокъ.

Литературный заработокъ былъ, разумѣется, единственнымъ источникомъ жизни для Мамина. При его огромной работоспособности съ этой стороны дѣло устроилось, и онъ могъ жить, не нуждаясь. Но въ личной жизни его преслѣдовало горе, отъ котораго уйти было некуда. Рано потерялъ Маминъ жену, извѣстную въ свое время артистку Абрамову, скончавшуюся отъ родовъ. Въ эти тяжелыя минуты самое близкое и дружеское участіе въ немъ приняла Александра Аркадьевна Давыдова. И Маминъ часто говорилъ мнѣ потомъ, что безъ нея онъ не зналъ бы что дѣлать, и что безъ добрыхъ людей нельзя было бы жить на свѣтѣ. Умиравшую мать спасти было нельзя. Но докторамъ удалось спасти дочь, извѣстную потомъ по посвященнымъ ей сказкамъ Аленушку, теперь тоже уже скончавшуюся. Аленушка появилась на свѣтъ съ затрудненной рѣчью, съ несовсѣмъ правильной походкой, съ задержаннымъ умственнымъ развитіемъ,

вызывавшимъ впослѣдствіи большія заботы при воспитаніи. И надо было видѣть Мамина среди этихъ заботъ, любовно возившагося съ ребенкомъ и рассказывавшаго ему свои сказки... Я могъ близко наблюдать это не только по моимъ дружескимъ къ нему отношеніямъ, но и потому, что одну зиму прожилъ въ Петербургѣ съ нимъ вмѣстѣ на одной квартирѣ. Дружеская семья А. А. Давыдовой попрежнему поддерживала бодрость Мамина, близко принимая къ сердцу его семейное положеніе. И неподдѣльной грустью вѣетъ отъ такого отрывка письма Мамина ко мнѣ отъ 27 фев. 1902 года.

„...Наши питерскія повости тебѣ извѣстны отъ очевидцевъ и упеслышцевъ. Веселаго нѣтъ ничего... Послѣдней печальной новостью явилась смерть Александры Аркадьевны. Она умерла всего 53 лѣтъ отъ десятка разныхъ мудреныхъ болѣзней. Вчера мы похоронили ее въ Александро-Невской лаврѣ, рядомъ съ Лидой. Миръ ея праху... Добрая и умная была женщина. Лично ей я былъ особенно обязанъ. Всѣ тебѣ кланяются. Цѣлую тебя во уста сахарныя. Твой Д. Маминъ-Сибирякъ“.

Положеніе, занятое Д. Н. Маминъ въ нашей литературѣ, было и остается вполне опредѣленнымъ. Опъ могъ бы сказать о себѣ, перифразируя извѣстную французскую поговорку: „я пью изъ своего стакана, и этотъ стаканъ не особенно малъ“. Послѣднюю половину фразы едва-ли бы однако могъ произнести онъ самъ по присущей ему застѣнчивой скромности, когда рѣчь шла о его работѣ... Его много читали, да и теперь читаютъ въ провинціи. Въ вихревыхъ вѣяніяхъ и теченіяхъ столичной литературы къ концу его жизни уже царили новыя исканія, иногда уклоняясь въ ту манерность и вычурность, которую Маминъ съ добродушной шуткой называлъ „литературнымъ чистоплюйствомъ“. Дѣлающійся съ каждымъ днемъ грамотнѣе и образованнѣе народъ, надо думать, успѣетъ ознакомиться съ сочиненіями Мамина раньше, чѣмъ устарѣетъ его оригинальный и красивый языкъ. И въ его сочиненіяхъ встрѣтитъ онъ свою жизнь и услышитъ тотъ зовъ впередъ, который характеризуетъ подлинное художественное произведеніе.

VI.

Послѣ закрытія „Отечественныхъ Записокъ“, центромъ литературной жизни сдѣлалась редакція журнала „Русская Мысль“. И Глѣбъ Успенскій, и Шелгуновъ, и цѣлый рядъ другихъ слав-

ныхъ именъ стали появляться въ московскомъ журналѣ. И случилось это не только потому, что дѣваться имъ было некуда, а потому, что редакція молодого московскаго журнала была именно такова, что могла вокругъ себя собрать прогрессивную русскую мысль. Бывая въ Москвѣ лишь проѣздомъ, останавливаясь дня на два, на три, чтобы забѣжать по пути въ театръ, я познакомился съ редакціей „Русской Мысли“ нѣсколько позже, тогда, когда она сдѣлалась настоящимъ центромъ литературы и самымъ вліятельнымъ журналомъ своего времени.

Поводомъ къ знакомству послужили мои напечатанныя въ журналѣ стихи. Вмѣстѣ съ А. П. Чеховымъ пришелъ я въ редакцію и былъ встрѣченъ ласками и радушіемъ. Я приписалъ это своему появленію совмѣстно съ А. П. Чеховымъ. Но позже, когда я сдѣлался близкимъ человѣкомъ къ редакціи журнала, мнѣ казалось, что мое первое впечатлѣніе было не совсѣмъ точнымъ. Большинство сотрудниковъ и, вѣроятно, большинство тогдашнихъ писателей, какъ-то сразу, не подозрѣвая объ этомъ за нѣсколько часовъ раньше, дѣлались друзьями редакторовъ. И въ этомъ смыслѣ, по сравненію съ болѣе сухими въ дѣловомъ отношеніи петербургскими редакціями, можно было сказать, что „на московскихъ есть особый отпечатокъ“. Отпечатокъ этотъ, разумѣется, зависѣлъ исключительно отъ личныхъ свойствъ редакторовъ. Я едва засталъ уже среди нихъ Ремизова, но болѣзни и старости мало принимавшаго участія въ дѣлахъ журнала. Фактически два редактора вели журналъ. Эстетической и хозяйственной стороною руководилъ Вуколь Михайловичъ Лавровъ, а публицистической — Викторъ Александровичъ Гольцевъ. И оба редактора были друзьями, что не мѣшало имъ постоянно спорить; они были довольно яркою противоположностью другъ друга. В. М. Лавровъ былъ эстетъ. Онъ тонко цѣнилъ и смаковалъ поэзію и театръ, зналъ на память цѣлый рядъ классическихъ отрывковъ, былъ знатокомъ и цѣнителемъ польской литературы, которую переводилъ и въ которой слѣдилъ за оттѣнками ея направленій. В. А. Гольцевъ былъ публицистъ. Въ то время Гольцевъ чрезвычайно интересовался нашими земскими съѣздами, коихъ мнѣ, всѣхъ до единого, довелось быть участникомъ. Съѣзды эти были несомнѣнно связаны съ конституціоннымъ движеніемъ. И какъ разъ въ это время, пользуясь ими, Гольцевъ вмѣстѣ съ М. М. Ковалевскимъ занятъ былъ вопросомъ о приданіи болѣе опредѣленныхъ конституціонныхъ формъ нашему земскому движенію. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ наиболѣе дѣятельнымъ членомъ редакціи и велъ большую часть ея дѣлъ. В. М. Лавровъ произ-

водилъ больше впечатлѣніе дилеттанта, но за то настоящаго любителя литературы. Изъ богатой елецкой купеческой семьи, онъ, говорили, прожилъ большое состояніе и теперь, казалось, продолжалъ проживать его на журналъ. Дѣло въ томъ, что его непрактичность бросалась въ глаза, а между тѣмъ онъ завѣдывалъ всей хозяйственной частью журнала и одно время большимъ книжнымъ магазиномъ при немъ. Говорили, что онъ въ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ дѣлался часто жертвой обмана недобросовѣстныхъ лицъ. Этому можно было повѣрить, зная его немного лѣнивый характеръ эстета, экспансивнаго только по отношенію къ тому, что его увлекало. Занятый своей работой, Гольцевъ производилъ впечатлѣніе человѣка, очень скромнаго въ своихъ потребностяхъ. Болѣе избалованный жизнью, Лавровъ былъ требовательнѣе и часто возилъ своихъ сотрудниковъ въ рестораны угощать изысканнымъ завтракомъ или обѣдомъ, въ которыхъ онъ былъ настоящимъ знатокомъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ широкихъ натуръ, которыя, кажется, чаще всего встрѣчаются въ Москвѣ, построившей свои дворцы для ѣды. Но оба они, — и Лавровъ и Гольцевъ, — пламенно любили литературу и честно служили ей. „Русская Мысль“ заняла свое опредѣленное мѣсто въ исторіи русской литературы и обязана она этимъ несомнѣнно двумъ названнымъ мной именамъ. Въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ я не претендую, разумѣется, дать исчерпывающихъ характеристикъ ея редакторовъ. Мнѣ просто хочется записать то, что безъ этого, быть можетъ, стерлось бы въ памяти...

Въ бумагахъ моихъ лежитъ визитная карточка В. М. Лаврова съ написанными на ней стихами, надъ которыми, передавая ее мнѣ, онъ много смѣялся. Онъ мнѣ сказалъ, что передъ самымъ моимъ приходомъ заходилъ В. С. Соловьевъ и сочинилъ свою эпитафію. Философъ-мистикъ, какъ извѣстно, былъ и поэтомъ, и юмористомъ. Вотъ эта эпитафія:

Владиміръ Соловьевъ
 Лежитъ подъ камнемъ этимъ.
 Былъ прежде философъ,
 А нынѣ сталъ скелетомъ.
 Онъ душу потерялъ,
 Не говоря о тѣлѣ,
 Ее діаволъ взялъ
 Его собаки съѣли.
 Прохожій, научись
 Изъ этого примѣра,
 Сколь пагубна любовь
 И сколь полезна вѣра.

По мѣрѣ того, какъ уставалъ все больше и больше Лавровъ и начиналъ прихварывать,—редакціонныя дѣла тяжелѣе ложились на плечи Гольцева. И временами было ему совсѣмъ не легко. Вотъ что писалъ онъ мнѣ въ одномъ изъ недатированныхъ писемъ:

„Съ большимъ волненіемъ прочелъ твой малепькій рассказъ, дорогой Владиміръ Николаевичъ... Думаю напечатать въ августѣ. Опять сижу въ Москвѣ: коллеги ничего не дѣлаютъ... А я устаю, зарабатываю не больше, а меньше, втягиваюсь въ долги. Плохо. Тутъ еще съ цензурой воевать приходится. Назаревскій отъ имени Соловьева потребовалъ вырѣзать въ іюньской книжкѣ три вещи. Я отказался и вызвалъ Лаврова. Тотъ согласился. Я поѣхалъ въ Петербургъ и тамъ узналъ, что Назаревскій просто напросто солгалъ. Соловьевъ ничего не требовалъ, а предлагалъ Назаревскому подтвердить его же собственный доносъ. Это ужъ немножко много. Гдѣ ты? Что ты? Будь здоровъ.

Твой В. Гольцевъ.

А уже 17 апрѣля 1903 года Гольцевъ извѣщалъ меня:

„Дорогой Владиміръ Николаевичъ!

Лавровъ боленъ. Работать онъ не можетъ, а для продленія жизни ему надо жить на югѣ. Я надѣюсь образовать артель для приобрѣтенія „Русской Мысли“. Если это не удастся,—журналъ попадетъ въ другія руки.

Твой В. Гольцевъ.

Изъ личныхъ разговоровъ съ Гольцевымъ я уже зналъ, что дѣла „Русской Мысли“ давно уже, въ силу разныхъ обстоятельствъ, приняли неблагопріятный характеръ. Зналъ и видѣлъ я глубокую скорбь Гольцева по этому поводу. Человѣкъ сжилъ съ журналомъ, сдѣлалъ изъ него свое жизненное дѣло, нашелъ въ немъ общественный смыслъ своей жизни... Но на этотъ разъ дѣло не дошло до продажи журнала, ни до его перехода въ другія руки. Журналъ существовалъ еще нѣкоторое время. И въ скоромъ времени къ редактированію журнала былъ привлеченъ А. П. Чеховъ. Съ обычной своей чуткостью, добросовѣстностью и талантомъ Чеховъ отнесся къ редакціоннымъ занятіямъ. Но развивавшаяся болѣзнь и невозможность жить близко къ журналу помѣшала этому окончательно. Однако талантливая рука Чехова несомнѣнно сказала въ редактированіи беллетристики журнала въ то время, когда этотъ отдѣлъ пришелъ было совсѣмъ въ хаоти-

ческое состояніе. Но для Гольцева этотъ вопросъ потерялъ свой мучительно-острый характеръ: быстро наступившая болѣзнь прекратила его счеты и съ жизнью, и съ журналистикой. А журналъ все-таки остался жить, перейдя въ другія, тоже литературныя, руки, и даже въ послѣдствіи промѣнялъ Москву на сѣверную столицу.

VII.

Дѣло развитія народнаго образованія лишено было до послѣдняго времени плановѣрности. А уже о спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ и говорить нечего. Появляться они могли иногда по поводу простой случайности. Такъ возникло, напримѣръ, художественное училище въ Пензѣ. Появилось оно исключительно потому, что мѣстный богачъ, Селиверстовъ, бывшій въ свое время шефомъ жандармовъ и главой русскихъ политическихъ сыщиковъ въ Парижѣ, человѣкъ, не лишенный въ то же время пристрастія къ живописи, завѣщалъ большія деньги на постройку училища въ Пензѣ. Этому же будущему училищу завѣщалъ онъ и коллекцію собранныхъ имъ картинъ. Такимъ образомъ началась постройка училища, дѣлая Пензу совсѣмъ неожиданно разсадникомъ и маленькимъ центромъ эстетическаго образованія въ глухой черноземной полосѣ. Открытіе училища совпало со временемъ моей земской службы въ Пензѣ и обрадовало меня назначеніемъ директоромъ училища академика Константина Аполлоновича Савицкаго. Съ его пріѣздомъ Пенза пріобрѣтала въ его лицѣ чрезвычайно талантливаго человѣка, а я—оригинальнаго собесѣдника и добраго пріятеля. Съ К. А. Савицкимъ мнѣ случалось встрѣчаться и раньше, но сблизила насъ совмѣстная жизнь въ Пензѣ.

Встрѣчался я съ нимъ, также какъ и со многими другими представителями русской живописи въ Петербургѣ, на Сергіевской улицѣ, у художника Н. А. Ярошенко. Тамъ бывали многочисленные собранія, и квартира Н. А. Ярошенко по справедливости считалась настоящимъ центромъ того теченія живописи, которое извѣстно подъ именемъ „передвижничества“. Называть всѣхъ участниковъ этихъ собраній бесполезно: это значило бы перечислить всѣхъ безъ исключенія „передвижниковъ“. Школа передвижниковъ, порожденная русской общественностью, была тѣсно связана съ нею, и поэтому бесѣды на собраніяхъ у Ярошенко часто переходили съ академическихъ темъ на общественныя. Горячо обсуждались вопросы текущей жизни, волнуя ху-

дожниковъ, и сужденія выливались въ оригинальныя формы, присущія средѣ, близкой къ искусству. Слышались вѣскія замѣчанія Рѣпина, пламенныя возраженія Куинджи, ультра-народническія мнѣнія С. В. Максимова... Занимали собранія и спеціальныя вопросы искусства. Здѣсь тщательно и интересно обсуждалась живопись и скульптура и вызывало всеобщее вниманіе всякое сколько-нибудь замѣтное литературное произведеніе. Извѣстна дружеская близость къ этому кружку В. М. Гаршина, котораго я однако тамъ уже не засталъ: онъ скончался пезадолго до моего вступленія въ этотъ кружокъ. А за гостепріимнымъ ужиномъ Ярошенко, которымъ кончались эти собранія, носившія иногда очень серьезный характеръ, начиналось искреннее и неподдѣльное веселье. Сыпались юмористическіе рассказы, скульпторъ Позенъ давалъ иногда на малороссійскомъ языкѣ отчетъ о послѣдней выставкѣ съ точки зрѣнія заѣзжаго въ столицу деревенскаго парня или проѣзжаго монаха... И безконечно пріятно бывало общеніе съ этимъ кружкомъ людей, безспорно талантливыхъ, людей, горѣвшихъ любовью къ искусству и живымъ интересомъ къ родной имъ общественной жизни.

Теперь одинъ изъ дѣятельныхъ и видныхъ участниковъ этого кружка дѣлался постояннымъ жителемъ Пензы. И съ самаго своего пріѣзда К. А. Савицкій ушелъ весь въ организаторскую работу по созданію новаго художественнаго училища. Дѣятельнымъ его помощникомъ былъ приглашенный имъ на должность преподавателя Николай Карловичъ Грандковскій. Дѣло предстояло большое и сложное, сопряженное кромѣ того съ цѣлымъ рядомъ препятствій и формальностей, медленно проходившихъ сквозь бюрократическія сферы. Мало-по-малу оно паладилось, и училище начало жить своей напряженной рабочей жизнью. И съ перваго же раза поражалъ наблюдателя непринужденный тонъ этого училища, такъ странно контрастировавшій съ многочисленными средними учебными заведеніями города. Толпа молодежи, интересовавшаяся искусствомъ, распредѣлялась по классамъ, гдѣ шла дневная и вечерняя работа подъ руководствомъ художниковъ и гдѣ не могло быть и рѣчи о мертвяще-казарменномъ тонѣ принудительнаго зубрежа и ученія. И если о чемъ и приходилось жалѣть на первыхъ порахъ художникамъ, такъ это о сравнительно недостаточномъ общемъ образованіи нѣкоторыхъ изъ учениковъ. Образовательный цензъ поступавшихъ былъ не высокъ, ограничиваясь иногда курсомъ двухкласснаго министерскаго училища. Желая придти на помощь своимъ ученикамъ въ этомъ отношеніи, К. А. Савицкій просилъ меня изрѣдка,

когда это окажется возможнымъ, не стѣсняясь какой бы то ни было программой, читать въ училищѣ исторію литературы. Такимъ образомъ я становился какимъ-то бесплатнымъ и сверх-платнымъ преподавателемъ училища. Времени однако и у учениковъ, занятыхъ буквально цѣлый день работой въ разныхъ группахъ, да и у меня, занятого работой въ качествѣ члена губернской земской управы, было очень мало. Поэтому мы условились, что мои бесѣды будутъ предлагаться желающимъ по субботамъ, когда въ училищѣ не было вечернихъ занятій по рисованію. При такихъ условіяхъ нельзя было и думать о проведеніи систематическаго курса. Приходилось ограничиться курсомъ эпизодическимъ, причемъ я читалъ о тѣхъ литературныхъ теченіяхъ, которыя наиболѣе интересовали моихъ слушателей. Вышло такъ, что въ концѣ бесѣды, обмѣниваясь мнѣніями, они задавали мнѣ тему для слѣдующей очередной бесѣды. И такая постановка настолько интересовала моихъ слушателей, что слѣдующую бесѣду пришлось перенести изъ класса въ актовъ залъ училища. На такія бесѣды ученики приводили иногда своихъ родственниковъ и товарищей. Дѣлалось все это просто и свободно, благодаря отношенію Савицкаго и его товарищей къ своимъ ученикамъ. А между тѣмъ стоило въ то время объ этомъ возбудить ходатайство и просить разрѣшенія, чтобы такія бесѣды на литературныя темы не могли состояться.

Послѣ такихъ бесѣдъ обычно слѣдовалъ вечерній чай у Савицкаго, за которымъ собирались его товарищи художники, и тогда казалось наше собраніе маленькимъ отдѣленіемъ большихъ петербургскихъ собраній художниковъ. Правда, общественные вопросы обсуждались здѣсь рѣже, но зато выдвигались впередъ интересовавшіе насъ вопросы художественнаго творчества и мѣстной, глухой провинціальной жизни. Занятый педагогической дѣятельностью, да и уже значительно утомленный жизнью, К. А. Савицкій писалъ въ этотъ періодъ немного, но постоянно обдумывалъ темы и сюжеты картинъ, которыя его волновали. Онъ дѣлился со мной постоянно своими художественными замыслами, и тогда передо мной вставала въ яркихъ образахъ все та же Русь, не только бытовыя черты, но и духовный смыслъ которой стремился перенести художникъ на полотно. Н. К. Грандковскій, менѣе занятый дѣлами училища, писалъ значительно больше. Удобнымъ условіемъ для работы преподавателей художественнаго училища было то, что каждому изъ нихъ предоставлена была отдѣльная мастерская, которую они могли использовать, главнымъ образомъ, во время праздниковъ и лѣтняго перерыва

занятій. И было безконечно жаль, что ранняя смерть унесла талантливаго Н. К. Грандковскаго, успѣвшаго въ Пензѣ создать нѣсколько интересныхъ и значительныхъ холстовъ.

Личная жизнь К. А. Савицкаго, съ семьей котораго я сдружился, была полна заботой о дѣтяхъ и тѣмъ добрымъ и милымъ уютомъ, который создается вокругъ умныхъ и добрыхъ людей. Старшій сынъ художника—Георгій Савицкій тяготился въ ту пору гимназической учебой, стремясь къ живописи, окружавшей его съ дѣтства. Онъ рано, ребенкомъ еще, на моихъ глазахъ, усваивалъ превосходный рисунокъ отца, и теперь, когда я пишу эти строки, стоитъ въ рядахъ русскихъ художниковъ. Прихвываявшій за послѣдніе два-три года К. А. Савицкій скопчался, не успѣвъ, можетъ быть, детально закончить организацію училища. Но во всякомъ случаѣ это онъ вдохнулъ въ него съ самаго начала живую душу и прибавилъ этимъ крупную общественную заслугу къ своей чисто художественной дѣятельности.

Художники и писатели,—и въ этомъ особенность ихъ работы,—оставляютъ послѣ себя документы, переживающіе на большее или меньшее время ихъ авторовъ. К. А. Савицкій принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто пользовался широкой извѣстностью при жизни и чьи документы украшаютъ лучшія художественныя собранія Россіи. И относительно его извѣстности трогательной чертой являлась его застѣнчивая скромность, впрочемъ всегда сопровождающая, какъ въ этомъ убѣдили меня жизненныя наблюденія, настоящій талаптъ. И не даромъ я могъ въ этомъ отношеніи сравнивать его съ Чеховымъ, Гл. Успенскимъ и Маминымъ, сравнивать съ тѣми, въ чьей душѣ идея славы никогда не могла подмѣниться идеей успѣха, часто крикливаго, связаннаго съ толпой и ея жадой рекламы... Замѣстителемъ К. А. Савицкаго на посту директора пензенскаго рисовальнаго училища появился, избранный Академіей художествъ, А. Ф. Афанасьевъ. Иллюстраторъ „Копька Горбунка“ и „Золотой рыбки“, авторъ цѣлаго ряда картинъ, трактованныхъ въ народномъ духѣ съ народнымъ неподражаемымъ юморомъ, Афанасьевъ въ сущности былъ того же духа, что и покойный Савицкій. Отличительными чертами его являлись оригинальный юморъ, да въ личной жизни внѣшнее невозмутимое спокойствіе съ неподвижностью добродушнаго увальня. Жизнью училища онъ былъ захваченъ однако не менѣе своего предшественника и такъ же, какъ и онъ, отдавалъ ему все свое время. Установившееся теперь окончательно училище жило своей напряженной жизнью, давая на отчетныхъ выставкахъ ученическихъ работъ все болѣе и болѣе интересные результаты. И,

казалось, все сильнѣе и сильнѣе билась молодая художественная мысль въ поискахъ того оригинальнаго выраженія, которе всегда предчувствуется сердцемъ художника.

Личныя мои отношенія къ училищу, закрѣпленныя дружбой къ А. Ф. Афанасьеву и его семьѣ, оставались все тѣми же. И все такъ же я изрѣдка имѣлъ возможность бесѣдовать съ молодыми художниками на литературныя темы. Такъ шло до бурныхъ дней 1904—1905 годовъ. Не избѣжала, да и не могла избѣжать волненія и возбужденія молодежь училища въ дни всеобщаго возбужденія. Такъ же, какъ въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ города, были въ немъ сходки, выносившія юношескія резолюціи, и занятія временно теряли свою планомѣрность. И черезъ нѣсколько времени, когда восторжествовала реакція, и принялась разыскивать виновныхъ, на А. Ф. Афанасьева страннымъ образомъ пало обвиненіе въ неблагонадежности. Для близко знавшихъ благодушный, немного лѣнивый и созерцательный характеръ художника такое обвиненіе въ активномъ бунтарствѣ могло производить впечатлѣніе достаточно комическое. Но тогдашнія условія общественной жизни быстро постарались обратить его въ драматическое. Затѣялась оффиціальная переписка съ Академіей художествъ, переписка, полная лжи и доносовъ, и въ результатѣ одному изъ даровитыхъ русскихъ художниковъ, влюбленному въ художественные образы своей родины, пришлось отдѣлаться отъ своей педагогической дѣятельности невольной отставкой. И это было тѣмъ болѣе тяжелымъ и мрачнымъ временемъ для художника, что совпало съ горемъ въ его личной жизни. Вскорѣ ему пришлось потерять почти одновременно и жену и дочь, молодую дѣвушку, только что поступившую въ высшее учебное заведеніе, стремившуюся къ знанію и общественной дѣятельности.

Вскорѣ мнѣ пришлось оставить Пензу. Такимъ образомъ кончилась моя связь съ ея художественнымъ училищемъ и ближайшими его работниками. Но всякій разъ, когда я вспоминаю о той жадѣ знанія, которую мнѣ приходилось наблюдать среди молодежи во время моихъ литературныхъ бесѣдъ, и когда встаютъ предо мною красивые образы художниковъ, руководившихъ работой этой молодежи, мое настроеніе дѣлается болѣе яснымъ. Такая ясность дается общеніемъ съ талантомъ и вѣрой въ мощь человѣческаго духа, въ какихъ бы плохихъ и очевидно несправедливыхъ соціальныхъ условіяхъ онъ бы ни находился. Ибо мощь человѣческаго духа носитъ въ себѣ элементъ вѣчности и будетъ всегда составлять красоту человѣческой жизни, въ какихъ бы разнообразныхъ формахъ она ни выражалась.

VIII.

Въ мертвенномъ строѣ провинціальной бюрократіи есть очень скучныя учрежденія. Есть, напримѣръ, губернская чертежная. Это—тихое, немногочисленное и малозамѣтное, такъ сказать, некричащее учрежденіе. Сидятъ въ немъ тихіе, по большей части пожилые господа, караулятъ и копируютъ большіе, тоже очень пожилые и полинявшіе, планы генеральнаго межеванія. Изрѣдка забредетъ въ учрежденіе помѣщикъ, и тогда тихіе господа тихо разговариваютъ съ нимъ о плазовыхъ дорогахъ, межевыхъ знакахъ, возобновленіи границъ и другихъ скучныхъ вещахъ. Такое по крайней мѣрѣ на меня произвела впечатлѣніе губернская чертежная, когда я зашелъ въ нее на минуту, чтобы навѣстить знакомаго.

Тогда служилъ тамъ молодой чиновникъ. Звали его—Вячеславъ Дмитріевичъ Андріевскій. А между тѣмъ это былъ поэтъ. Необыкновенно чуткій къ жизни, пламенѣвшій любовью къ литературѣ, любвеобильный поэтъ. Писалъ Андріевскій много. Писалъ стихами и прозой, но, чуткій къ формѣ и скромный, стихи свои отрицалъ и говорилъ о себѣ только, какъ о маленькомъ и неудачномъ общественномъ работникѣ. А между тѣмъ въ провинціальной прессѣ его хорошо знали. Его фельетоны печатались въ саратовскихъ, самарскихъ и другихъ газетахъ, и читатели не разъ обращали вниманіе на псевдонимъ „Мечтатель“, которымъ подписывался Андріевскій. Да и поистинѣ былъ онъ мечтателемъ: сквозь колкій сарказмъ, сквозь добродушную шутку у него всегда пробивалась мечта о человѣческомъ счастьѣ, неясномъ и далекомъ, но все же возможномъ. Начитанъ и образованъ Андріевскій былъ поразительно. Полуницій бѣднякъ, выбившійся изъ народа и не имѣвшій возможности кончить гимназію, въ сущности былъ философомъ, такимъ же скромнымъ и недовѣрявшимъ себѣ, какъ и литераторъ.

Случай далъ мнѣ недолгую радость общенія и знакомства съ Андріевскимъ. Это было въ 1905—1906 году. Была пора надеждъ и ожиданій въ общественной жизни, провинціальная публика оживилась, и въ Пензѣ появилась частная газета съ нѣскольکو рѣшительнымъ названіемъ — „Перестрой“. Въ этой газетѣ принялъ немедленное участіе Андріевскій, а нѣсколько позже и я. Газета имѣла успѣхъ. Надо правду сказать, что успѣхъ этотъ былъ не столько матерьяльнымъ, сколько нрав-

ствеппнымъ, и не даромъ же при первыхъ выборахъ городъ Пенза послалъ депутатомъ въ первую Думу издателя и редактора этой газеты — Н. Ф. Езерскаго. За его отъѣздомъ редакція осталась на мнѣ. Моимъ помощникомъ и душой газеты былъ Андріевскій, и это-то сблизило насъ.

Издавалась наша газета, разумѣется, на гроши, и хотя бывала временами очень задорной, но зато оставалась всегда бѣдной, какъ церковная мышь. О привлеченіи столичныхъ сотрудниковъ нечего было и думать, надо было обходиться мѣстными силами, и въ освѣщеніи мѣстной жизни въ сущности и была задача этой газеты. Вотъ такой мѣстной и почти единственной силой и являлся В. Д. Андріевскій. Редакція газеты была демократичной во всѣхъ отношеніяхъ. Помѣщалась она въ двухъ комнатахъ, входъ въ которыя былъ прямо съ улицы, такъ какъ раньше занималась она какой-то маленькой лавочкой. Я жилъ въ деревнѣ, но пріѣзжалъ три раза въ недѣлю для редакціонныхъ дѣлъ. Эти дни и считались пріемными, но въ сущности редакція каждый день полна была дѣловымъ народомъ. Тутъ были и крестьяне, приносившіе общественные приговоры съ жалобой на земельное утѣсненіе, разные люди съ жалобой на обиды администраціей, которыя, разумѣется, надо было провѣрить, и цѣлый рядъ другихъ лицъ по разнымъ поводамъ. Приходилъ и бойкій гимназистъ старшихъ классовъ, приносившій передовую статью, начинавшуюся словами: „Во времена великой французской революціи...“ Андріевскій просматривалъ статью и съ грустной и мягкой улыбкой говорилъ, что она не пріемлема. Гимназистъ выслушивалъ это равнодушно и тутъ же, примостившись на подоконникѣ, пытался писать другую, начинавшуюся словами: „Великая французская революція доказала...“

А Андріевскій въ это время весь погружался въ цѣлое море корреспонденцій. Написанныя иногда витіевато, а иногда малограмотно, бойкимъ писарскимъ почеркомъ или каракулями, — онѣ говорили всегда объ одномъ и томъ же: о беззаконіи, объ издѣвательствѣ надъ человекомъ, о безграничной и ненужной жестокости... Все это, конечно, надо было провѣрить, снести иногда нѣсколько разъ съ корреспондентомъ и, наконецъ, придать всему этому надлежащую литературную форму. Жители самыхъ отдаленныхъ и захолустныхъ уѣздовъ посѣщали по этому поводу редакцію и вели съ Андріевскимъ свои долгія, удивительныя по яркости бытовыхъ красокъ бесѣды. Казалось, что при первомъ проблескѣ свободнаго слова тамъ, въ глубинѣ тихихъ деревень, начинается дѣлаться величайшее дѣло: начинается раскрѣпощеніе

душъ и ростъ сознанія человѣческаго достоинства. Покойный профессоръ Фаусекъ, гостившій у меня тѣмъ лѣтомъ и вмѣстѣ со мной посѣщавшій иногда нашу редакцію, увѣрилъ меня, что Андріевскій представлялъ собой настоящій типъ народнаго редактора, скорбѣвшаго тою же скорбью, что и его читатели, и это было несомнѣнной и прекрасной правдой провинціальной жизни. Зато, когда появлялась статья Андріевского, статья, полная правдивыхъ образовъ, облитыхъ горечью сарказма, впечатлѣніе среди мѣстнаго общества было огромнымъ. Начальство сердилось, дѣлало запросы редакціи, назначало иногда разслѣдованія на мѣстахъ, иногда писало конфузливые возраженія. И трудно, разумѣется, было бы вычислить, сколько зла, — мелочнаго и жестокаго, сколько тупого и никому ненужнаго безправія отвращало отъ населенія скромное перо Андріевского. А Андріевскій спѣшно просматривалъ газеты и готовился къ воскресному фельетону. Теперь уже охватывало его горе цѣлой страны, мучившейся тогда въ мукахъ рожденія новаго общественнаго строя. Андріевскій задумывался, потомъ бралъ перо и быстро писалъ вверху листа бумаги библейскій эпиграфъ: „обнажу наготу твою передъ всѣми“. И фельетонъ пестрѣлъ удивительными и невѣроятными распоряженіями, разстрѣлами и казнями и опять-таки беззаконіями и безправіемъ. Только приведя весь номеръ въ порядокъ, чуть не на половину заполнивши его самъ, считалъ себя свободнымъ Андріевскій, ничуть не считаясь съ количествомъ работы, добровольно и съ любовью имъ па себя взятой. А считаться съ этимъ очень и очень бы слѣдовало. Плохое здоровье требовало лѣченья и отдыха, давно его уже грызла злая чахотка, но ни на отдыхъ, ни на лѣченье не было средствъ, да и жизнь безъ работы казалась ему равносильною смерти.

Вечеромъ, покончивъ свои редакціонныя занятія, я любилъ заходить къ нему въ гости. Есть въ Пензѣ улица, которую называютъ „Поповка“. Вся она расположена по склону горы и вся она заросла садами. Маленькіе деревянные домики буквально утопаютъ въ зелени, по улицѣ бродятъ куры домовитыхъ хозяекъ. Деревенская тишина охватываетъ посѣтителя при входѣ въ „Поповку“. Въ этой улицѣ, которая напоминала тогда (а, можетъ быть, напоминаетъ еще и теперь) тихую дачную мѣстность, можно было жить если не съ комфортомъ, то по крайней мѣрѣ просто и, главное, дешево. Здѣсь-то въ одномъ изъ маленькихъ и ветхихъ домиковъ и жилъ Андріевскій. Домъ стоялъ въ глубинѣ запущеннаго сада. Добраться до него было не легко: надо было пробираться по мосткамъ грязнаго двора мимо старой, но уди-

вительно злобной собаки, привязанной къ будкѣ. Правы „Поповки“ признавали тогда примитивные способы охраны общественной безопасности, и отъ этого посѣтитель долженъ былъ сначала долго взывать о помощи среди двора, а потомъ уже попадать подъ гостепріимный кровъ обитателя. Андріевскій поджидалъ меня и радостно спѣшилъ мнѣ на встрѣчу. Крошечнаго, точно игрушечнаго домика въ саду онъ все-таки не имѣлъ средствъ занимать цѣликомъ, а потому ютился съ женой въ двухъ маленькихъ комнатахъ, рядомъ съ какой-то мѣщанской семьей. Но эти двѣ комнаты были уютны. Въ той, которая побольше, стоялъ письменный столъ, заваленный рукописями, и со стѣны глядѣли на него портреты писателей, любимыхъ писателей хозяина. Это были—Толстой, Чеховъ и Короленко. Та же комната, разумѣется, была и столовой. И весело было, когда въ углу пыхѣлъ и кипѣлъ самоваръ, а хозяинъ говорилъ объ общественной жизни или о русской литературѣ... Полуголодная жизнь на гроши, любовь къ литературѣ и людямъ, застѣнчивая скромность, боявшаяся не только рекламы, но и извѣстности, — таковъ былъ образъ прошедшаго передо мной маленькаго, но глубоко искренняго писателя.

Наше сотрудничество съ нимъ скоро кончилось. Реакція съ каждымъ днемъ дѣлалась все смѣлѣе и злѣе, а послѣ роспуска первой Думы вступила въ стадію торжества побѣдителей. Газета закрылась. Я покинулъ Пензу. А когда вернулся назадъ, то узналъ, что Андріевскій живетъ попрежнему. Это значило, что онъ попрежнему пишетъ въ провинціальныхъ газетахъ, попрежнему нуждается и служитъ въ конторѣ нотариуса. Я навѣстилъ его нѣсколько разъ. Теперь это былъ слабый, исхудалый, явно уже умиравшій человѣкъ. И странно было видѣть, какъ умираетъ тѣло, а духъ пламенѣетъ все тою же любовью, любовью къ литературѣ.

Скоро не стало Андріевского. На одномъ изъ тѣнистыхъ кладбищъ Пензы покоится его прахъ. Въ короткой жизни прошелъ онъ маленькимъ, яркимъ пламенемъ, котораго не разглядѣла въ своей суетливой жизни окружавшая его толпа. Быть можетъ, это случилось отъ того, что слишкомъ маленькій и скромный огонекъ несъ въ себѣ Андріевскій, и этотъ огонекъ тонулъ въ блескѣ другихъ русскихъ огней. Можетъ быть. Но теперь, когда я вспоминаю о немъ и вызываю въ своей памяти его образъ, мнѣ вспоминается почему-то маленькая и яркая звѣздочка на небѣ. Маленькая звѣздочка, на которую со всѣхъ сторонъ ползутъ темныя, зловѣщія, грозовыя тучи...

IX.

Бываютъ такіе дни въ человѣческой жизни, которые остаются въ памяти навсегда. Остаются потому, что были ярки какъ молнія, и потомъ, при малѣйшемъ усиліи памяти, встаютъ вдали, какъ зарницы. Однимъ изъ такихъ дней въ моей жизни былъ хмурый осенній день 8 ноября 1904 г. Это былъ день окончанія второго общеземскаго съѣзда въ Петербургѣ. Это былъ день опредѣленныхъ рѣшеній, день, выводившій тогдашнюю земскую интеллигенцію на путь активной и, казалось, продуктивной работы. А, главное, это былъ день вѣры. Передо мной была группа людей искренно вѣрующихъ, — и я самъ былъ въ ихъ числѣ, — вѣрующихъ въ немедленное осуществленіе реформъ, которыя измѣнятъ темную и бѣдную жизнь страны. У всѣхъ было радостное настроеніе. И глядя на нашихъ стариковъ, казалось, что они спокойно и благоговѣйно шепчутъ „нынѣ отпускаеши“. Уходили назадъ тяжелыя огорченія и бесплодность работы. И было радостно, потому что было радостно кругомъ, и вѣрилось безгранично.

Этому съѣзду предшествовалъ цѣлый рядъ совѣщаній. Послѣ перваго съѣзда, устроеннаго великолѣпнымъ организаторомъ и поистинѣ настоящимъ объединителемъ земской Руси, — Д. Н. Шиповымъ, — послѣдовала попытка остановить единеніе. За невозможностью призвать насъ, тогда выборныхъ должностныхъ лицъ, къ отвѣтственности по закону, — послѣдовали угрожающіе предостереженія и выговоры. Но нельзя было остановить самую жизнь, можно было всячески тормозить развитіе общественности, но не больше. Вѣдь все равно, земство въ своихъ скромныхъ заботахъ о населеніи упиралось всякій разъ въ стѣну. Оставалось или уйти, или пытаться сдѣлать что только возможно. Стали прибѣгать къ выставкамъ. Въ Курскѣ устроили земскую выставку по народному образованію, въ Ярославлѣ — по сельскому хозяйству. И на каждую изъ этихъ выставокъ съѣзжались земцы-единомышленники. И все яснѣй и яснѣй дѣлалось, что дѣло не въ тетрадкахъ и выписанномъ плугѣ, а въ раскрытіи народа и общества. Земскія сферы волновались уже по всей линіи. Тревожные и грозные признаки волненія замѣчались въ народѣ. Въ правящихъ кругахъ смѣнялись разныя „вѣянія“. Одно изъ такихъ вдругъ провозгласило „весну“, можетъ быть нѣсколько вынужденную. Провозгласило довольно неожиданно, темно и смутно, какъ

начинающій поэтъ, принесшіи плохіе стихи журналу. Но земцы все-таки получили возможность съѣхаться. И было ясно, что на этомъ съѣздѣ надо твердо сказать, что жить такъ дольше нельзя. Въ возможность спокойной земской работы никто уже больше не вѣрилъ, и одинъ изъ моихъ знакомыхъ, старикъ-гласный, отправляясь на съѣздъ, оставлялъ дома на всякій случай порученія—выслать ему въ Архангельскъ валенки и теплую одежду. До этого не дошло, какъ извѣстно...

На съѣздѣ послѣ долгихъ и страстныхъ дебатовъ состоялось извѣстное изложеніе резолюцій, намѣчавшее грань между старымъ и новымъ направленіемъ общественной жизни. И казалось, что такъ близка политическая свобода, это необходимое условіе развитія соціальныхъ успѣховъ. Самые дебаты земцевъ полны были захватывающаго, волнующаго интереса. Въ нихъ ярко проявлялись характерныя формы нашей общественной мысли. И отголоски славянофильскаго теченія съ его представленіемъ объ особомъ избранничествѣ и пути народа встрѣчались здѣсь съ искреннимъ западничествомъ, насчитывавшимъ столько жертвъ въ прошломъ во имя того же народа. Западничество побѣдило и отразилось въ мнѣніи большинства, давшемъ начало политической партіи конституціоналистовъ. Во мнѣніи меньшинства, не столь опредѣленномъ и ясномъ, запечатлѣлось послѣдіе славянофильства. И было ясно, что партія, которой оно даетъ начало, растаетъ подъ напоромъ требованій реальной жизни. Но и то, и другое провозглашалось съ любовью къ странѣ, было искреннимъ и въ большинствѣ случаевъ выстраданнымъ опытомъ жизни. И поэтому самымъ яркимъ и незабвеннымъ моментомъ являлся для участниковъ съѣзда его заключительный день,—день окончательнаго соглашенія и подписанія резолюцій. Бурными и радостными криками заявило собраніе, что резолюціи должны быть подписаны поименно, представителями каждой губерніи. И въ домѣ Набокова, на Морской улицѣ, актъ этого подписанія принялъ торжественный характеръ. Это былъ невѣдомый дотолѣ въ старомъ строѣ актъ публичнаго исполненія людьми долга передъ своей страной. И незабвеннымъ для меня остается этотъ день, одинъ изъ лучшихъ въ моей жизни, полный нѣсколько наивной, можетъ быть, но искренней вѣры въ единеніе съ товарищами по работѣ.

А эти товарищи! Какія разнообразныя, выкованныя русской жизнью, фигуры! И вспоминаются мнѣ теперь, когда я пишу эти строки, и тѣ, кто еще доживаетъ свою жизнь, и тѣ, которые ушли изъ нея навсегда. Ушелъ, чуждый какихъ-либо компро-

миссовъ, скрашивавшій оттенками неподражаемаго юмора тяжесть жизни, гр. Гейденъ. Ушелъ непримиримый по отношенію къ пошлымъ и мелкимъ явленіямъ жизни А. А. Стаховичъ, прославившійся въ послѣдствіи печатной борьбой съ наживой высокопоставленныхъ лицъ. Ушелъ пламенный Петрункевичъ... Нѣтъ и А. А. Савельева. Участникъ всѣхъ земскихъ совѣщаній и сѣздовъ, одинъ изъ неутомимыхъ ихъ организаторовъ, предсѣдатель нижегородской губернской земской управы, онъ представлялъ оригинальную и типичную фигуру русскаго гражданина въ ту пору жизни страны, когда гражданъ въ ней не полагалось, а допускались одни обыватели. Гражданами однако являлось большинство участниковъ земскихъ сѣздовъ. И особенность А. А. Савельева заключалась въ томъ, что, находясь во главѣ земскаго движенія нижегородскаго края, онъ въ то же время будилъ вокругъ себя идеи гражданства и естественно связанъ былъ въ свое время съ кружкомъ В. Г. Короленка и Н. Ф. Анненскаго въ Нижнемъ Новгородѣ. Этимъ объясняются его публицистическія выступленія какъ въ мѣстной печати, такъ и въ московской газетѣ „Русскія Вѣдомости“. Убѣжденный сторонникъ права и справедливости, А. А. Савельевъ провелъ полную значенія и общественнаго интереса красивую жизнь. Современники воздали ему по справедливости, избирая его послѣдовательно въ три первыхъ Государственныхъ Думы. Для его идейныхъ враговъ не было возможности лишить его довѣрія его избирателей. Имъ пришлось, не разбирая средствъ, прибѣгнуть къ обвиненію въ превышеніи власти по должности предсѣдателя губернской управы, чтобы насильственно устранить отъ выборовъ излюбленнаго населеніемъ человѣка. Обвиненіе въ концѣ концовъ рухнуло, всетаки выбивъ изъ рядовъ государственныхъ дѣятелей А. А. Савельева и отравивъ незаслуженной горечью конецъ жизни честнаго человѣка и талантливаго общественнаго работника...

Ушли и еще многіе и многіе изъ тѣхъ, кто переживалъ тогда вмѣстѣ со мной радостный день дружнаго общественнаго единенія и, какъ намъ казалось тогда, близкаго осуществленія нашихъ надеждъ, къ которымъ логически привела насъ паша работа. Ушелъ и С. А. Муромцевъ... Глубокимъ уваженіемъ въ его лицѣ мы окружали на нашихъ сѣздахъ его знанія, государственный умъ, непреклонную волю и твердость убѣжденій. И уже заранѣе знали мы, что онъ будетъ, что онъ не можетъ не быть, первымъ главой народнаго представительства. И не въ бѣглыхъ замѣткахъ современниковъ, а на страницахъ исторіи останется его имя... Часто возвращаетъ меня память къ этому

радостному дню моей жизни. Правда, вскорѣ наступили огорченія и тяжкія разочарованія. А радостный день все оставался такимъ же и приводилъ на память мысли изъ дневника Марка Аврелія: „Чего ты хочешь, человѣкъ? Дѣлай то, что въ настоящее время отъ тебя требуетъ природа. Не надѣйся осуществить республику Платона и будь доволенъ движеніемъ впередъ хотя бы на одинъ шагъ,—и не считай этотъ успѣхъ маловажнымъ. Кто можетъ перемѣнить образъ мысли людей? А безъ такого измѣненія что можетъ быть кромѣ рабства, стоновъ и лицемернаго повиновенія“...

IX.

Столѣтіе со дня рожденія Герцена въ 1912 г. застало меня въ Ниццѣ, на мѣстѣ его вѣчнаго успокоенія. Я жилъ тогда въ непосредственной близости къ морю, въ одной квартирѣ съ близкой мнѣ семьей С. Я. Елпатьевского, въ маленькомъ пансіонѣ одного русскаго эмигранта, человѣка замѣчательно оригинальнаго. Онъ былъ уже тогда глубокимъ старикомъ, умиравшимъ отъ слабости и грудной жабы, а оригинальность его заключалась не только въ поразительномъ внѣшнемъ сходствѣ съ Донъ-Кихотомъ, но и въ несомнѣнномъ внутреннемъ сродствѣ съ этимъ бессмертнымъ героемъ. Это часто бросалось въ глаза и мнѣ, и С. Я. Елпатьевскому при разсказахъ нашего хозяина о прошломъ, полномъ безкорыстныхъ и неожиданныхъ приключеній. Бросить дома богатство и видное положеніе блестящаго офицера, чтобы нищимъ бѣжать за границу и добывать свободу народамъ, сражаясь со всѣми ея врагами, — таково было начало иногда поистинѣ фантастическихъ приключеній нашего хозяина. Переплетаясь съ именами Герцена, Гарибальди и Бакунина, приключенія тянулись черезъ всю его жизнь, доходя въ концѣ франко-германской войны до провозглашенія республики въ Ліонѣ за нѣсколько дней до провозглашенія ея во всей Франціи. Теперь это былъ худой и высокій старикъ, мирно доживавшій послѣдніе дни на берегу ласковаго и теплаго моря.

А рядомъ съ нашей квартирой проживалъ тоже свои послѣдніе дни (онъ скончался въ томъ же году) Николай Федоровичъ Анненскій. Больной сердцемъ, онъ прихварывалъ часто, и тогда съ пѣжной заботливостью брата его лѣчилъ С. Я. Елпатьевскій. И почти каждый день, выходя на балконъ раннимъ утромъ, я видѣлъ на сосѣднемъ балконѣ Анненскаго съ книгой

или за работой. Тогда онъ, привѣтливый и жизнерадостный какъ всегда, раскланивался со мной театрално-шутливымъ жестомъ и мы перекидывались нѣсколькими словами. Съ Анненскимъ я никогда не былъ въ близкихъ товарищескихъ отношеніяхъ, мы даже встрѣчались съ нимъ не особенно часто, но всегда были дружески расположены другъ къ другу. И чувство, которое меня тянуло къ нему, я не могу назвать иначе, какъ любовью. Бываютъ люди, въ чьемъ присутствіи другимъ дѣлается вдругъ какъ-то сразу свѣтлѣй. Точно вы сидите за своимъ будничнымъ дѣломъ, озаренные скуднымъ свѣтомъ рабочей лампы. И вдругъ кто-то вошелъ, и зажглись всѣ лампы, и электрическій свѣтъ залилъ все помѣщеніе... Такое впечатлѣніе производило на меня всегда общеніе съ Анненскимъ. И оно было, думается мнѣ теперь, результатомъ сложныхъ свойствъ всего духовнаго облика Анненскаго. Тутъ была и его поистинѣ неисчерпаемая жизнерадостность, заражавшая другихъ, и оригинальное остроуміе, и незаурядная значительность его мысли и, главное, его широкая общественность, передъ которой его личная жизнь была для него самого явленіемъ второстепеннымъ. И не даромъ онъ занималъ всегда первое мѣсто тамъ, гдѣ рѣчь шла о служеніи обществу, былъ лидеромъ тѣхъ, кто ставилъ общественное благо на первое мѣсто. И былъ всегда жизнерадостнымъ и остроумнымъ этотъ человекъ огромнаго общественнаго темперамента и таланта, человекъ, изсѣченный когда-то, за человеколюбивое вмѣшательство, нагайками на площади Казанскаго собора...

Когда Анненскому становилось легче, мы ходили гулять. И тогда медленно двигались мы по *Promenade des Anglais*, присаживаясь отдыхать на береговыя скамейки. И разговоръ былъ все о томъ же, чтò интересовало Анненскаго всю жизнь, чтò въ свое время оторвало его отъ чистой науки и бросило на активное, ежедневное и будничное служеніе людямъ. Разъ даже, когда Анненскій чувствовалъ себя особенно хорошо и весело, мы отправились въ одинъ изъ береговыхъ ресторановъ угощаться бульябесомъ. И надо было видѣть искрящуюся смѣхомъ жизнерадостность Анненскаго, не могшаго уже, разумѣется, выпить пи одной рюмки вина и пьяниваго насъ безграничнымъ весельемъ и остроуміемъ. И въ эти минуты любовался я не привычнымъ для меня его остроуміемъ, а той стойкостью, съ которой человекъ доводитъ свою жизнь до конца, не боясь неизбежнаго. Не могъ же не знать и не чувствовать Анненскій опасности своего положенія; и относился къ этому именно такъ, какъ долженъ относиться кончающій свой одухотворенный путь человекъ. Это

былъ красивый и разумный конецъ пути, не отравленный мало-душіемъ...

Чествованіе памяти столѣтія со дня рожденія Герцена между тѣмъ приближалось. Оно сильно интересовало и волновало Анненскаго. Вѣдь въ этомъ чествованіи торжествовали тѣ принципы, на осуществленіе которыхъ ушла цѣлая его жизнь и огромный талаптъ. По характеру своей дѣятельности Анненскій тѣсно связанъ былъ съ изгнанничествомъ, этой характерной особенностью русской общественности въ XIX вѣкѣ, и значеніе Герцена въ его личной жизни, безспорно, было очень значительнымъ. И понятно, что Анненскому, по искреннему порыву чувства, хотѣлось принять въ предстоящемъ чествованіи самое близкое и дѣятельное участіе. На это очень рассчитывалъ и комитетъ, организованный для этого чествованія. Болѣзнь Анненскаго этому помѣшала. С. Я. Елпатьевскій могъ разрѣшить своему другу только присутствіе при сборѣ процессіи для шествія на кладбище да участіе, да и то ограниченное, на вечернемъ банкетѣ. Послѣднее было неизбѣжнымъ еще и потому, что банкетъ назначенъ былъ въ пансіонѣ, въ которомъ жилъ Анпенскій.

На всѣхъ перекресткахъ города висѣли афиши, приглашавшія гражданъ отъ имени комитета собраться на площади у памятника Массена. Сюда пріѣхалъ и Анненскій. Былъ безконечно красивый южный весенній день, когда разноплеменная толпа начала собираться у памятника. Память Герцена собрала разныхъ національностей и всѣ возрасты. Вотъ почему среди экспансивной молодежи виднѣлись сѣдые волосы пожилыхъ и старыхъ людей. Жизнь не могла отучить ихъ отъ идей, выразителемъ которыхъ былъ Герценъ. Съ ними они прошли всю жизнь, и съ ними пришли чествовать его память. И первое, что поразило меня здѣсь,— это былъ необычайный видъ французской полиціи. И конные жандармы и пѣшіе городовые имѣли траурный креплъ на рукавѣ. И въ первый разъ мнѣ приходилось видѣть полицію, собравшуюся не для разгона, а для охраны толпы. А толпа между тѣмъ все росла и росла и, собравшись наконецъ тысячной массой, медленно двинулась по полугорѣ вверхъ къ кладбищу, гдѣ нашелъ вѣчное успокоеніе Герценъ. Впереди несли вѣнки, и ихъ яркія ленты и надписи горѣли подъ лучами южнаго солнца. Я и Елпатьевскій чередовались между собой, неся вѣнокъ отъ журнала „Русское Богатство“. И тысячеголосая толпа чередовала пѣніе: „вы жертвою пали борьбы роковой“ пѣніемъ „вѣчной памяти“. Медленно и долго шла толпа, пока не достигла горы, на которой расположено кладбище. Тамъ, у памятника Герцена, сложили

вѣнки и начались рѣчи. Русскія, французскія и польскія рѣчи, такъ или иначе оцѣнивавшія борьбу Герцена за человѣческую свободу. И мнѣ казалось тогда, что судьба не могла выбрать лучшаго мѣста для праха борца. Съ дѣтства меня всегда необыкновенно трогали слова Пушкина о томъ, что „хоть безчувственному тѣлу равно повсюду истлѣвать, но ближе къ милому предѣлу мнѣ бы хотѣлось почивать“. Но теперь, когда передо мной шумѣла разноязычная толпа и на разныхъ языкахъ говорила о Герценѣ, когда въ голубомъ туманѣ вырисовывались вершины Приморскихъ Альпъ, а внизу разстилалось Средиземное море, казалось, что для памяти Герцена все это нужно, какъ болѣе яркіе образы вѣчности...

Вечеромъ состоялся банкетъ въ томъ же помѣщеніи, гдѣ жилъ Анненскій. Былъ рефератъ Плеханова, а затѣмъ ужинъ, за которымъ участники хотѣли обмѣняться рѣчами. И Анненскій председательствовалъ на банкетѣ. Больной и слабый, онъ говорилъ мало, тѣмъ болѣе, что наблюдавшій за нимъ Елпатьевскій не позволялъ ему этого. И эти рѣчи были послѣдними публичными рѣчами Анненскаго. Судьбѣ угодно было сблизить его конецъ съ свѣтлой памятью Герцена. И, можетъ быть, это принесло мимолетную радость человѣку, плѣнявшему друзей личными свойствами своего характера и огорчавшемуся тѣмъ, чѣмъ всегда огорчались люди, поставившіе своей цѣлью борьбу за общественную справедливость...

В. Ладыженскій.

